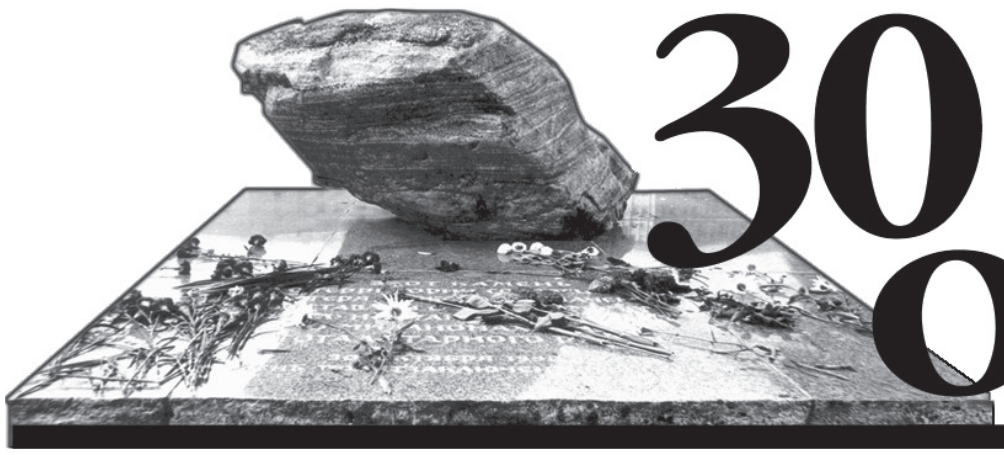


30 октября

№116 2013

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

МЕСТА ПАМЯТИ

В сентябре в «Международном Мемориале» в рамках семинара «Москва. Места памяти» прошли две лекции по москвоведению — архивист Леонид Вайнтрауб рассказал о столичных архивах, а историк Михаил Коробко — о знаменитых московских тюрьмах. По словам организаторов, семинар задуман для исследования, описания и осмысления отношений человека и советского государства в пространстве Москвы, для внесения памяти об этих отношениях на карту современных города и горожан.

«Мы пытаемся создать виртуальную карту Москвы, на которую будут постепенно наноситься объекты, где человек так или иначе сталкивался с советским государством, — рассказывает куратор проекта «Москва. Места памяти» Александра Поливанова. — Это не только репрессивные органы, тюрьмы, места расстрелов и захоронений. Поскольку советское государство было тоталитарным и проникало во все сферы жизни, на нашей карте будут обозначены школы, учебные заведения, союзы писателей, театры, репертькомы — комитеты, которые заведовали репертуаром театров. Все это так или иначе иллюстрирует взаимоотношения человека и тоталитарного государства».

По словам Александры Поливановой, москвоведческие исследования в «Мемориале» ведутся много лет, возможно, с самых дней основания общества. Работа над нынешним проектом началась в январе 2013 г. В частности, в рамках проекта проходит цикл публичных москвоведческих семинаров, на которые приглашаются с докла-

На снимке: Вид на Бутырскую тюрьму.

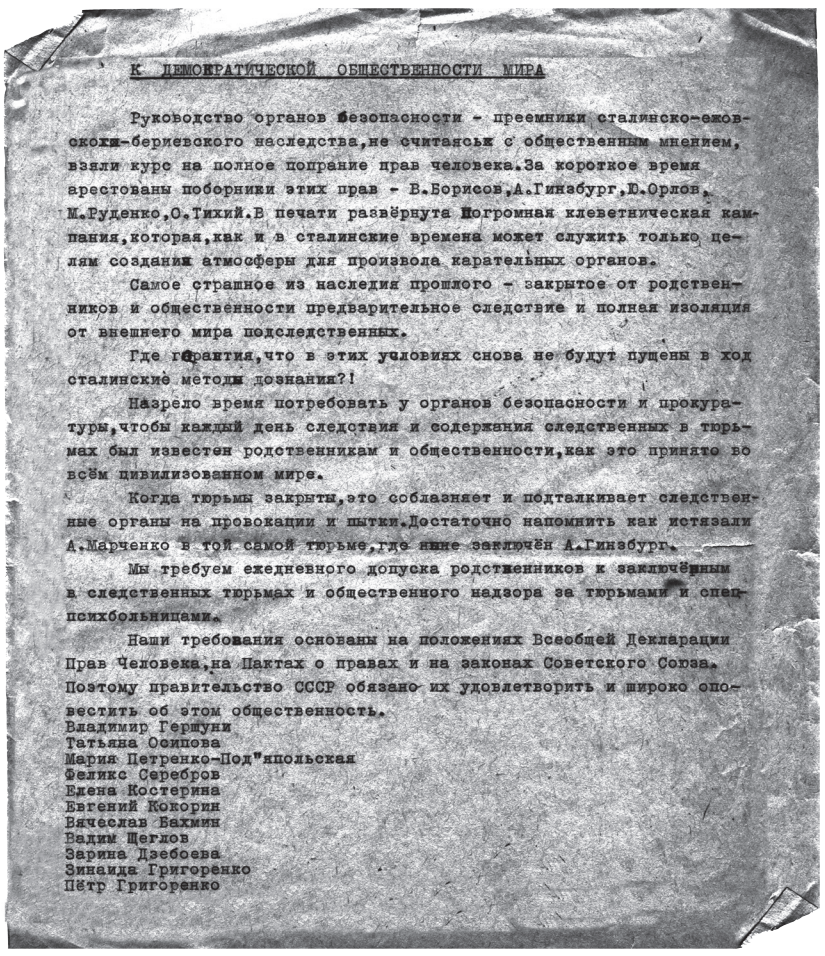
Продолжение на с. 5

К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ МИРА

К 30 октября — Дню памяти жертв политических репрессий, который изначально возник в 1974 г. как День политзаключенного, мы публикуем документ из архива НИПЦ «Мемориал» (Москва), касающийся доступа родственников в тюрьмы к политзаключенным. Документ содержится в фонде 102 («Ленинградская коллекция») и публикуется впервые.

Руководство органов безопасности — преемники сталинско-ежовско-бериевского наследства, не считаясь с общественным мнением, взяли курс на полное попрание прав человека. За короткое время арестованы поборники этих прав — В.Борисов, А.Гинзбург, Ю.Орлов, М.Руденко, О.Тихий. В печати развернута погромная клеветническая кампания, которая, как и в сталинские времена, может служить только целям создания атмосферы для произвола карательных органов.

Мы требуем ежедневного допуска родственников к заключен-



К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ МИРА

Руководство органов безопасности - преемники сталинско-ежовско-бериевского наследства,не считаясь с общественным мнением, взяли курс на полное попрание прав человека.За короткое время арестованы поборники этих прав - В.Борисов,А.Гинзбург,Ю.Орлов, М.Руденко,О.Тихий.В печати развёрнута погромная клеветническая кампания,которая,как и в сталинские времена может служить только целям создания атмосферы для произвола карательных органов.

Самое страшное из наследия прошлого - закрытое от родственников и общественности предварительное следствие и полная изоляция от внешнего мира подследственных.

Где гарантия,что в этих условиях снова не будут пущены в ход сталинские методы дознания?!

Назрело время потребовать у органов безопасности и прокуратуры,чтобы каждый день следствия и содержания следственных в тюрьмах был известен родственникам и общественности,как это принято во всём цивилизованном мире.

Когда тюрьмы закрыты,это соблазняет и подталкивает следственные органы на провокации и пытки.Достаточно напомнить как истязали А.Марченко в той самой тюрьме,где ныне заключён А.Гинзбург.

Мы требуем ежедневного допуска родственников к заключённым в следственных тюрьмах и общественного надзора за тюрьмами и спецпсихбольницами.

Наши требования основаны на положениях Всеобщей Декларации Прав Человека,на пактах о правах и на законах Советского Союза. Поэтому правительство СССР обязано их удовлетворить и широко оповестить об этом общественность.

Владимир Гершуни
Татьяна Осипова
Мария Петренко-Под"япольская
Феликс Серебров
Елена Костерина
Евгений Кокорин
Вячеслав Бахмин
Вадим Щеглов
Зарина Дзебоева
Зинаида Григоренко
Пётр Григоренко

Самое страшное из наследия прошлого — закрытое от родственников и общественности предварительное следствие и полная изоляция от внешнего мира подследственных.

Где гарантия, что в этих условиях снова не будут пущены в ход сталинские методы дознания?!

Назрело время потребовать у органов безопасности и прокуратуры, чтобы каждый день следствия и содержания в следственных тюрьмах был известен родственникам и общественности, как это принято во всем цивилизованном мире.

Когда тюрьмы закрыты, это соблазняет и подталкивает следственные органы на провокации и пытки. Достаточно напомнить, как истязали А.Марченко в той самой тюрьме, где ныне заключен А.Гинзбург.

Мы требуем ежедневного допуска родственников к заключенным в следственных тюрьмах и общественного надзора за тюрьмами и спецпсихбольницами.

Наши требования основаны на положениях Всеобщей Декларации Прав Человека, на пактах о правах и на законах Советского Союза. Поэтому правительство СССР обязано их удовлетворить и широко оповестить об этом общественность.

1977 год в истории диссидентского движения ознаменовался репрессиями против членов хельсинкских групп в СССР. В феврале-марте 1977 г. (точнее установить не удалось) 11 человек (как известных диссидентов, так и обычных граждан) подписали обращение к демократической общественности мира. Тема обращения более чем актуальная — контроль за действиями следственных органов и за условиями содержания арестованных. Мы не знаем, попал ли этот документ на Запад, прочитали ли его в СССР те, кто поддерживал диссидентов. Зато мы точно знаем, что условия в советских политических (да и обычных) лагерях не улучшились. Да и сейчас — спустя 35 лет — только члены Общественных наблюдательных комиссий могут посещать СИЗО и лагеря (но не психиатрические больницы), а то, что творится в лагерях, подчас ассоциируется даже не с воспоминаниями Марченко, а с «Колымскими рассказами» Шаламова. Однако авторы письма исходили «из того, что правда нужна ради правды, а не для чего-либо еще; что достоинство человека не позволяет ему мириться со злом, если даже он бессилен это зло предотвратить» (Анатолий Якобсон. «При свете совести»).

Четверо из пяти упомянутых в обращении — члены Московской и Украинской Хельсинкских групп: Александр Гинзбург (член МХГ) был арестован в Москве 3 февраля и отвезен в СИЗО г. Калуга, Юрий Орлов (член-основатель МХГ) был арестован 10 февраля в Москве, члены УХГ Олекса Тихий и Микола Руденко — 4 и 5 февраля соответственно в Донецке и Киеве.

Пятый — Владимир Борисов, один из создателей независимого профсоюза в СССР, был арестован 25 декабря 1976 г., помещен в психиатрическую больницу № 3 в Ленинграде и освобожден 4 марта 1977 г.

Анатолий Марченко, который также упоминается в обращении, был арестован в 1975 г. и содержался в том же калужском СИЗО, что и Гинзбург спустя 2 года.

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ
ПРО ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

«Демонстрация семерых» против введения в Чехословакию войск для пресечения реформ, получивших название Пражской весны, была проведена 25 августа 1968 г. на Красной площади.

25 августа 2013 г., 45 лет спустя, одна из участников той демонстрации, Наталья Евгеньевна Горбаневская, приняла участие в демонстрации на Красной площади под лозунгом «За вашу и нашу свободу». Баннер с лозунгом у Лобного места развернули 12 человек, из которых 10 человек были задержаны полицией. Горбаневскую полиция не тронула.

В интервью радиостанции «Эхо Москвы» Наталья Горбаневская объяснила суть акции 2013 г. «Это была мемориально-историческая акция, посвященная 45-й годовщине нашей демонстрации. Так ее задумали здешние люди, включая Сергея Шарова-Делоне, двоюродного брата участника нашей демонстрации Вадима Делоне. А я к ним просто присоединилась, потому что это было естественно...» Горбаневская говорит, что когда узнала о готовящейся акции, то с удовольствием присоединилась к ней. Тем более что, по словам Горбаневской, «все участники существенно моложе меня».

В своем выступлении на телеканале «Дождь» Наталья Евгеньевна рассказала о мотиве своего участия в демонстрациях 1968 и 2013 гг.: «Думаю, в нашем опыте, может быть, главное, как Галич написал: «смеешь выйти на площадь». «Смеешь», а не «обязан». Каждый решает за себя. Каждый, действительно, решает, а не просто уползает в свою норку. Я совершенно не отношусь отрицательно к людям, которые по тем или иным причинам не выражают протест публично, а только, как в наше время, на кухнях. Но я в свое время не мог-

Продолжение на с. 4

В НОМЕРЕ:

Новый поворот в истории «расстрельного дома»? с. 2

Маленькая война 1993-го с. 3

Во Владивостоке открылся Мемориал жертв политических репрессий с. 8

Памяти Болшевцев – воспитанников трудовой коммуны с. 9

День памяти и борьбы с. 10

«АЛЬБОМЫ НЫНЧЕ СТАЛИ РЕДКИ...»

С 30 августа по 17 ноября в Государственном музее им. А.С.Пушкина проходит выставка «Альбомы нынче стали редки...», посвященная истории рукописных альбомов России с конца XVIII в. до современности.

В выставке приняли участие музей и архив Международного общества «Мемориал». Всего «Мемориал» представил 23 экспоната, созданных заключенными ГУЛАГа, — 18 альбомов из архива и 5 гербариев из фонда А.Ф.Вангенгейма.

Среди экспонатов — альбом стихов с обложкой из бересты, выполненный для арестованной в 1951 г. по делу «Союза борьбы за дело революции» Сусанны Печуро ее подельницей Тамарой Рабинович. Стихи в сборник написала также проходившая по этому делу Майя Улановская. Еще один альбом — каллиграфически переписанный сборник стихов Блока. На самом деле эту небольшую книжицу написал и переплел один из заключенных Инталага в Коми, выполнявший заказы других заключенных, желавших получить книжку.

Еще один экспонат — памятник человеческим отношениям в лагере. Это подарок на день ангела в 1949 г. для некой Ольги Ивановны, заключенной Инталага и страстной поклонницы Пушкина, — переписанная вручную повесть Пушкина «Выстрел».

Толстая тетрадь со стихами Блока и Брюсова, Бунина и Тютчева, Ахматовой и Есенина, Северянина и Маяковского, Мандельштама, Пастернака, Багрицкого, записанными по памяти С.С.Потресовой, старшей дочерью известного в начале века театрального критика и поэта Сергея Яблоновского и ее подругой В.Ф.Берсеневой в течение 1945–1947 гг. в лагере «Орлово-Розово» Верхне-Чебулинского района Кемеровской области, где они вместе отбывали свои сроки.

Продолжение на с. 7

Спрашивайте «30 октября» в отделениях «МЕМОРИАЛА» и партнерских организациях в городах: Респ. Адыгея: Майкоп; Респ. Алтай: Горно-Алтайск; Алтайский край: Барнаул, Бийск; Амурская обл.: Благовещенск, Свободный;

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

НОВЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИИ «РАССТРЕЛЬНОГО ДОМА»?

21 августа 2013 г. тогда еще и.о. мэра Москвы Сергей Собянин побывал на Никольской улице, которая усилиями мэрии была превращена в пешеходную зону. Среди прочих объектов, посещенных им, был и так называемый расстрельный дом – помещение Военной коллегии Верховного суда СССР, где в сталинскую эпоху выносились и в ряде случаев тут же приводились в исполнение смертные приговоры. В 2012 г. власти Москвы включили здание в единый реестр объектов культурного наследия регионального значения.

В настоящее время дом реставрируется. Посетив здание, Собянин заявил, что видит его будущее в качестве гостиницы с кафе на первом этаже.

«Мемориал», уже долгое время требующий музеефикации здания, естественно, не мог оставить слова и.о. мэра без внимания и 26 августа обратился к нему с письмом. В письме, подписанном председателем Правления «Международного Мемориала» Арсением Рогинским и сопредседателем «Московского Мемориала» Яном Рачинским, в частности, говорилось:

«Мы уверены, что Ваше предложение, если оно действительно прозвучало, может быть объяснено только недостаточным знакомством с историей вопроса.

Мы надеемся, что Вы пересмотрите Вашу позицию.

На протяжении многих лет общественность Москвы (да и не только Москвы) боролась против планов устроить на месте «расстрельного дома», тайком приватизированного в 1990-е годы, развлекательный центр. Борьба шла с переменным успехом – сначала удалось добиться включения здания в список выявленных памятников, затем комиссия Ресина по указанию Лужкова решила исключить дом из перечня объектов культурного наследия.

В конце концов уже после отставки Лужкова это печально известное здание получило охранный статус – и тысячи москвичей, чьи родители были приговорены к смерти в этом здании, вздохнули с облегчением.

В многочисленных публикациях и передачах различных СМИ, в обсуждениях экспертных групп, в том числе созданных при Департаменте культуры г.Москвы, всегда подчеркивалось, что это здание необходимо сделать музеем. Выкуп здания у владельца не является неразрешимой задачей для московского бюджета, не говоря уж о федеральном.

Идея устроить кафе и/или гостиницу в «расстрельном доме» кощунственна – и показывает, что ее авторам совершенно безразлична память о жертвах тоталитарного режима.

Советская власть уже вошла в историю «обустройством» другого конца Никольской улицы – где в 1936 г. был снесен Собор в честь Казанской иконы Божией Матери и на этом месте устроен общественный туалет. Собор ныне восстановлен, но память о кощунстве не исчезнет.

Если в «расстрельном доме» будет устроено кафе – это запомнится надолго.

Мы убеждены, что новый мэр Москвы, кто бы ни был избран на этот пост, не допустит такого позора».

Помимо «Мемориала», с протестом против заявления С.Собянина выступила партия «Яблоко». 28 августа ее активисты во главе с лидером партии С.Митрохиным провели ряд одиночных пикетов у здания с требованием открыть в нем музей-мемориал, посвященный истории политических репрессий. «Яблочники» также объявили, что проводят сбор подписей за создание музея и собрали уже более 1600 подписей.

Интересно, что за день до заявления «Яблока» к одному из сторонников создания музея в «расстрельном доме», сотруднику института истории естествознания и техники имени С.И.Вавилова Александру Глущенко, пришло письмо из Мосгорнаследия, где говорилось о том, что в здании будет крупный мемориальный комплекс, посвященный истории ГУЛАГа.

Следствием поднявшегося скандала стала пресс-конференция, которую провел 28 августа и.о. министра правительства Москвы, руководитель Мосгорнаследия Александр Кибовский. Он сообщил, что владелец здания, некое ЗАО «Вереск», хотел бы сохранить функциональное назначение здания, в котором когда-то находились торговые и конторские помещения, а также доходный дом. «Но в то же время если эксперты-реставраторы придут к выводу, что в здании должен располагаться музей памяти репрессированных, то инвестор будет вынужден подчиниться этому решению», – сказал А.Кибовский. Он оценил стоимость создания федерального музея памяти жертв политических репрессий в Москве в здании «расстрельного дома» примерно в 1,2 миллиарда рублей. «В эту сумму входит предварительная стоимость здания – 300–350 миллионов рублей, из расчета 5 тысяч долларов за квадратный метр, минимальная стоимость реставрационных работ – 800 миллионов рублей и затраты на экспозицию и оборудование – 150–200 миллионов рублей», – пояснил он.

Кибовский также отметил, что для создания музея необходимо провести дополнительные исследования документов, которые позволят понять, где был зал, в котором выносили решения репрессированным. При этом и.о. министра постарался реабилитировать С.Собянина за его неудачное высказывание, подчеркнув, что само здание могло быть снесено из-за решений, принятых решениям, принятым при мэре Москвы Юрии Лужкове. «Расстрельного дома» на этом месте уже не должно быть, разрешение на снос было подписано. Его спасло решение и.о. мэра Сергея Собянина прекратить весь снос и новое строительство в центре Москвы», – заметил А.Кибовский.

Станислав Сидорчук, представляющий ЗАО «Вереск», заявил, что проект реставрации планируется разработать к осени 2013 г., а полностью все работы удастся закончить только в 2016 г. Руководитель реставрационного коллектива Лариса Лазарева отметила, что будет проведена эклектичная реставрация, показывающая все этапы существования здания.

Директор музея истории ГУЛАГа Роман Романов со своей стороны заявил, что, скорее всего, после реставрации здание «расстрельного дома» будет передано под музей эпохи сталинских репрессий. Впрочем, итоговые слова главы Мосгорнаследия на пресс-конференции были расплывчатыми. «Предварительно есть решение, что здесь может быть создан музей. Это пока планы. Одно могу сказать точно: там не будет офисов», – резюмировал А.Кибовский.

Таким образом, как отметил в интервью корреспонденту «30 октября» Я.Рачинский, судьба здания, где в 1935–1950 гг. размещалась Военная коллегия Верховного суда СССР, все еще остается под вопросом. «Ситуация все еще неопределенная», – подчеркнул он.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: «Расстрельный дом» на ул. Никольской.
Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

БУДЕТ ЛИ ПАМЯТНИК НА СПЕЦОБЪЕКТЕ «КОММУНАРКА»?

Известно выражение «кто забудет свое трагическое прошлое, обречен пережить его вновь».

В нашем прошлом было всякое. Сейчас другие времена. Память о них заставляет приезжать на места захоронений.

Каждый год при финансовой и организационной поддержке постоянной межведомственной комиссии правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий и комитета общественных связей г. Москвы на спецобъекте «Коммунарка» проходит акция памяти. В этом году она состоялась 28 сентября.

В течение длительного времени идут тщетные разговоры о создании памятника невинным жертвам на «Коммунарке».

Председатель Московской городской думы Владимир Платонов в мае 2004 г. отметил, что «это не коммерческий проект, а гражданская обязанность». С тех пор минуло немало лет, а воз и ныне там... Все так же на деревьях скотчем приклеены листы бумаги с фотографиями убиенных.

Региональная общественная организация жертв политических репрессий «Московский Мемориал» открыла счет для сбора добровольных пожертвований от родственников репрессированных, от неравнодушных людей. На сегодняшний день собрано 370 тысяч рублей. Потомки жертв хотят на эти деньги заказать памятник. Но вот уже 5 месяцев мы не можем получить разрешение на установку памятника от хозяев земли – Русской православной церкви. Когда ставили памятник прокурору, по всей видимости, разрешение было получено без проволочек. (Об установке памятника «30 октября» писала в № 113.)

Но мы не привыкли отступать. У нас нет времени, нам надо успеть, пока живы, возвести памятник, привести к нему наших детей, внуков, правнуков, чтобы они знали, что здесь могила их предков. Это то место, куда надо приходить, чтобы не быть иванами, не помнящими родства.

В Акции памяти приняли участие около 150 человек – потомки убитых на полигоне. От организации «Московский Мемориал» выступил член координационной группы по установке памятника жертвам политрепрессий Александр Павлович Сахаров. Он предложил собрать подписи под обращением к Патриарху о начале работ. Решили, что нужно заказывать памятник в мастерской и к 30 октября, Дню памяти жертв политрепрессий, установить его на полигоне «Коммунарка».

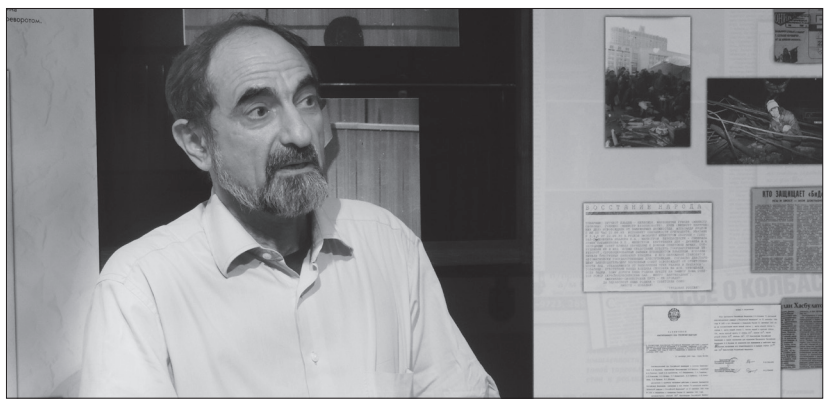
Ольга РАКУТЬКО,
«Московский Мемориал».

На снимке: Въездные ворота на спецобъект «Коммунарка» и памятные знаки в роще спецобъекта, установленные частными лицами.
Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

МАЛЕНЬКАЯ ВОЙНА 1993-ГО

21 сентября 2013 г. в Москве вспоминали события 20-летней давности, когда осенью 1993 г., после того как президент России Борис Ельцин подписал указ о досрочном роспуске Верховного Совета, началось двухнедельное противостояние парламента и президента.

На открытии выставки «Москва – 1993. Четырнадцать дней осени», подготовленной по материалам фондов Государственной публичной исторической библиотеки России, «Международного Мемориала» и Правозащитного центра «Мемориал», очевидцы и участники событий от первого лица вспоминали истории страха, противостояния, неопределенности и отчаяния, царивших в те дни в стране.



***Борис Беленкин:** «То есть вы находитесь в абсолютно замкнутом пространстве, и для выхода нужно что-то предпринять»*

***Дмитрий Борко:** «Я не желал тогда победы никому. Я желал лишь, чтобы это скорее закончилось»*

***Александр Черкасов:** «Главный урок в том, что все тогдашние противоречия не стоили пролитой крови»*

Фотовыставка о тех событиях под названием «Москва – 1993. Четырнадцать дней осени» открылась в Правозащитном центре «Мемориал». Организаторы выставки – Елена Струкова и Борис Беленкин. Посреди зала, увешанного работами российского фотографа Дмитрия Борко, под стеклом лежит красный флаг, на котором видны следы крови. В него был замотан один из пострадавших демонстрантов. Рядом рация, которой, по словам организаторов выставки, участники тех событий ловили милицейскую волну.

Белый дом со следами пожара и голосующие депутаты, марширующие люди, которых сложно как-то конкретно обозначить, и бронетехника на площади. Единственной позитивной фотографией, не погружающей в неопределенность, было цветное фото людей, греющихся у костра, где молодой человек что-то наигрывает на гитаре.

«Мы вместе с художником Петром Пастернаком намеренно создали замкнутое пространство, – поясняет один из соавторов проекта, заведующий библиотекой Международного «Мемориала» Борис Беленкин. – Когда люди входят в выставочный зал, шторки на дверях задвигаются. То есть вы находитесь в абсолютно замкнутом пространстве, и для выхода нужно что-то предпринять».

На пороге войны

А началось все 21 сентября 1993 г. Президент России Борис Ельцин подписал указ № 1400, досрочно распускавший Верховный Совет и Съезд народных депутатов, что стало началом двухнедельного противостояния парламента и государственных структур (в том числе и силовых ведомств), верных президенту. Страна разделилась на два противоборствующих лагеря. Белый дом и площадь перед ним стали ареной и символом этого противостояния.

Политический кризис продлился 14 дней – с 21 сентября по 4 октября, когда был расстрелян из танков Белый дом. Первые более или менее мирные дни противостояния сменялись все большей агрессивностью сторон. Затем пролилась кровь. Страна стояла на пороге гражданской войны. Войны не случилось. Но плата за переход от одной политической системы к другой оказалась высокой: по официальным данным, погибло не менее 157 человек и 384 были ранены.

Казалось, что, приходя на подобное мероприятие, зритель становится свидетелем того, как разные стороны – участники и свидетели событий тех дней – будут пытаться спустя 20 лет отстоять свою правду. Что противоречия выльются в горячий обмен мнениями и предположениями о том, что именно осень 1993-го стала отправным этапом нынешнего состояния России. Но нет, этого, к счастью, не произошло. Зато был человеческий взгляд, без предвзятости и оценок, была боль и жизненные истории, были воспоминания и... вопросы вслух, на которые до сих пор не имеется ответов.

История, которая до сих пор не осмыслена

Выступивший на открытии выставки, едва вместившей всех желающих, директор Государственной публичной исторической библиотеки России Михаил Афанасьев рассказал о значимости события.

«Выставка собрала все, что в дальнейшем будет служить документом для историка, – отметил Афанасьев. – Человечеству не свойственно думать о том, что ты живешь в тот момент, который должен быть зафиксирован для истории. Из-за этого историкам приходится решать по отношению к прошлому сложнейшую задачу: по крупицам, по воспоминаниям, где-то искажающим действительность, реконструировать события».

Говоря о содержательности выставки, Михаил Афанасьев высказал мнение о том, что «данная выставка чрезвычайно актуальна, поскольку объясняет сегодняшнему молодому человеку, что он живет в историческую эпоху и что его ответственность перед будущим крайне велика».

Председатель Правления «Международного Мемориала» Арсений Рогинский, вспоминая события осени 1993 г., отметил, что «эта история еще по-настоящему не оценена и не осмыслена».

«В том небольшом отрезке истории осенью 1993-го сплелось все: право, демагогия, сила, жестокость, подлость, искренность, наивность. Участвовали много разных людей, были разные мотивации. Как этот клубок распутать? Мне и тогда было трудно. Свое место в этих событиях нашли только кристальные правозащитники. Им было проще, так как главным для них было не допустить пролития крови. Наивно. Но они что-то делали. А я помню свою растерянность и перед толпой, и перед неожиданно возникшей мрачной решимостью власти. Мне кажется, что вопросы, которые перед нами эти две недели поставили, эта история еще по-настоящему не оценены и не осмыслены, и не знаю, будут ли когда-нибудь осмыслены», – отметил Рогинский. По его словам, в истории России и ранее были такие события, которые оценить до сих пор сложно: «Трудно определить даже, где патриотизм, а где государственная измена».

«Однако совершенно очевидно: об октябре 1993-го надо продолжать говорить. Не только ответов нет, но и многие вопросы еще не поставлены», – сказал Арсений Рогинский.

Война пришла ко мне домой

Как рассказал в своем выступлении фотокорреспондент Дмитрий Борко, автор снимков, представленных на выставке «Москва – 1993. Четырнадцать дней осени», он не желал осенью 1993 г. победы никому. «Я лишь желал, чтобы это скорее закончилось».

По словам Борко, он с первого до последнего дня снимал события 1993 года и для него эта история в первую очередь – «какие-то факты, это нечто материальное: указы, листовки, осколки, флаг в крови, в который был завернут человек».

«С ним я недавно встретился, – он выжил, но лишился ноги. Но для меня та история – также и чувства, которые я тогда испытывал. К 1993 г. я был уже довольно опытным фотожурналистом, повидал горячие точки, знал, как звучит война, и что нужно ложиться на землю, когда летит «что-то нехорошее». Но в октябре 1993 г. мне впервые стало страшно. Страшно, потому что война оказалась очень рядом, – сказал автор фотографий. – Это, наверное, было не так опасно, как в тех ситуациях, в которых мне приходилось бывать по работе. Но страшно мне стало потому, что эта война,– я уже знал, что война идет во многих местах на окраинах разделившегося союза, где-то за границей, – она пришла ко мне домой».

По словам Борко, 3 октября 1993 г., когда начались основные события, он не мог себе представить, «что будет завтра, чем все это кончится, можно было предполагать все, что угодно».

«Когда я увидел грузовики с вооруженными автоматами людьми, несущиеся по центру Москвы непонятно куда, я вспомнил, что подобные сцены я видел в Таджикистане, Осетии и других местах, охваченных хаосом, анархией, кровью, яростью, – вспоминал Борко. – Сейчас, конечно, легко рассуждать о том, кто был прав и неправ, о «кровавом Ельцине» с одной стороны и «коммунофашистах» с другой. Это абстрактные рассуждения. А когда ты видишь в центре Москвы грузовики с вооруженными людьми, которые едут неизвестно куда, неизвестно что штурмовать, кого бы ты ни поддерживал, ты смотрел на это другими глазами. Я не желал тогда победы никому».

От истории до декораций к ней

Участник диссидентского движения, один из создателей партии «Яблоко», депутат Госдумы первых трех созывов Вячеслав Игрунов эмоционально вспоминал об осени 1993 г.

«Мне трудно говорить, потому что был участником событий. Это болезненно. Это нельзя забыть. Это одно из важнейших событий в нашей истории. Мне было страшно, ужас тогда заключался в том, что было видно, как ненависть пришла в души людей.На собрании московских интеллигентов 17 человек сказали, что нельзя применять силу, что в отставку должны уйти все – и Верховный Совет, и президент. А более 80 потребовали «раздавить гадину». Ненависть той среды, в которой был и я, меня лично повергла в шок. «Кто не с нами, тот против нас». И это по-прежнему живо, никуда не делось», – сказал Игрунов.

В завершение официальной части выступил председатель совета Правозащитного центра «Мемориал» Александр Черкасов, который высказал свое мнение о противоречивой сути тех событий и многовариантности возможных исходов для дальнейшего пути развития России.

«Тогда действительно было страшно. С другой стороны, было еще и непонятно, было удивительно. Потому что все эти ярлыки про Белый дом, про «красно-коричневых убийц», они казались очень убедительными, если бы не мелкие детали, – высказал свое мнение Черкасов. – Понять сегодня все это тяжело, и все, кто принял тогда то или иное решение, наверное, и сейчас укрепились в своем мнении. Интересная задачка – подумать, а что бы ты делал, если бы знал, что будет дальше, и если бы не знал. Понять, какие были варианты, развилки. Многие сейчас говорят, что «октябрь 1993-го предопределил дальнейшее трагическое развитие России». Это не полная правда. Таких развилок было больше, чем одна. И октябрь был не последней».

По его словам, можно, конечно, говорить, кто был прав тогда, «на какую сторону нужно было переходить интеллигенции или кому-то еще», но уже тогда было все предопределено.

«Когда мы берем многочисленные документальные источники и пытаемся посмотреть цепочку принятия решений, оказывается, что тогда, когда народ призывали защитить демократию, этот народ оказался одним большим «лишним человеком». Тоже урок: иногда ты думаешь, что делаешь историю, а ее уже за тебя сделали, а ты в лучшем случае декорация. Но и это тоже не в полной мере правда: когда Гайдар выступал с призывом, он не знал, какая обстановка сложилась. Люди не знали, что происходит. Какой-то кровавый чудовищный водевиль, в котором каждый делал тогда то, что считал нужным. А самая большая неопределенность, о которой говорил еще Лев Николаевич Толстой в романе «Война и мир»: «Первая колонна марширует... Вторая колонна марширует... Третья колонна марширует...» Но на деле никакого «марша» не оказывалось. Так и в истории 1993 г. ничего не было предопределено. Может, это один из главных уроков того времени, но не главный», – сказал Александр Черкасов.

Противоречия и первая кровь

Сегодняшняя Россия – наследница 4 октября 1993 г. Такой или нет ожидали увидеть ее участники и современники тех событий? Хотя в анонсе на само мероприятие организаторы выставки заявляли, что не ставят цели ответить на этот вопрос, а говорили, что всего лишь хотят напомнить о том, что случилось два десятилетия тому назад, но этот вопрос в ходе выступлений продолжал витать в воздухе. И уже по дороге домой, после просмотра получасового фильма Сергея Быковского, вспоминались только заключительные слова Александра Черкасова: Главный урок в том, что все тогдашние противоречия не стоили пролитой крови. «Один раз пролитая кровь обесценивает человеческую жизнь и делает возможными последующие кровопролития».

Фильм С.Быковского представлял кинохронику событий 1993 г.: громкие заявления политиков – Ельцина, Хасбулатова, Руцкого, исторические кадры противостояния – танки и бронетехника в Москве, решительно настроенные люди и пролитая кровь.

Именно кровопролитие, которое появилось в кадре ближе к концу исторического повествования осени, перечеркнуло все, что было сказано политиками ранее, лишило желания искать правую сторону этого конфликта.

Карина ГАДЖИЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Фото автора

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ВИКТОР ТОПОЛЯНСКИЙ: ЛИДИЯ ТИМАШУК ОКАЗАЛАСЬ ЖЕРТВОЙ ПОСЛЕДНЕГО ВИТКА СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

В № 113 «30 октября» упоминалось выступление Виктора Тополянского на вечере в Мемориале, посвященном «делу врачей». Слухи о гибели Тимашук, чья записка о желательности консилиума для уточнения диагноза болезни Жданова была использована в «деле врачей-убийц», представляли собой, по сути, спланированную дезинформацию, считает врач и публицист Виктор Тополянский. Виктор Давыдович рассказал о своем личном расследовании судьбы Лидии Тимашук.

В середине 1970-х годов к доктору Тополянскому попал пациент, у которого на рентгенограмме Виктор Давыдович увидел треугольный осколок в области сердца. Этот случай в высшей степени заинтересовал врача – они с пациентом стали общаться. «Он рассказал мне, что родители готовили его для работы в разведке с раннего детства. Мальчика отдали в 6 лет в спецшколу, где обучение велось на немецком языке. По окончании школы они должны были владеть разными немецкими диалектами», – вспоминает собеседник корреспондента газеты «30 октября».

Между доктором и пациентом завязались формально-приятельские отношения. «Он рассказал мне, что одно время занимал руководящую должность во фронтовой разведке, – продолжает Виктор Давыдович. – Однажды под большим секретом бывший разведчик поведал мне историю «гибели» Лидии Тимашук».

В 1953 г. «старые бойцы» получили на Лубянке ответственное задание: совершить покушение на Тимашук по определенной схеме. Схема состояла в следующем: перед машиной «клиента» движется грузовик. Потом, под видом поломки, он останавливается. Следом движется второй грузовик, который превращает машину вместе с ее водителем в лепешку. «После того как мы убедились, что все прошло замечательно, вся «команда» пошла в «Метрополь» отмечать это событие», – рассказал доктору его пациент.

Рассказ нового знакомого Виктора Давыдовича совпал по времени с рассказом его мамы, которая в то время работала врачом. «Однажды она пришла со службы страшно возбужденная, и сказала: «Ты знаешь, Тимашук погибла на Кузнецком мосту! Ее машину раздавил какой-то грузовик».

Спустя несколько лет Тополянский узнал, что Тимашук жива и здорова. Она продолжала работать в Лечсанупре Кремля, а потом – в четвертом управлении. Рассказ о ее гибели оказался, по словам Виктора Давыдовича, чистой фальшивкой.

«Я расценил эту историю как хорошую работу службы дезинформации, которая распространила среди населения, негодующего по поводу доносчиков, историю о гибели Тимашук, – приводит свою точку зрения Тополянский. – В нее многие тогда поверили. Все были довольны – врачей отпустили, доносчик наказан».

Тимашук была не виновата

Тимашук, по мнению Виктора Давыдовича, была ни в чем не виновата. К такому выводу он пришел на основании собственного расследования.

В 1948 г. Лидия Тимашук заведовала кабинетом ЭКГ в Лечсанупре Кремля. В августе того же года ее срочно вызвали на Валдай, где лечился Жданов, для регистрации электрокардиограммы. «Когда Тимашук посмотрела на кардиограмму, она пришла в ужас: по ее мнению, у Жданова был инфаркт миокарда. Она высказала свое заключение консультантам Лечсанупра. Профессура сказала, что она ошибается», – рассказывает Тополянский.

После таких слов в ситуации нового витка репрессий у Тимашук затряслись поджилки. Она схватила одну из записей ЭКГ Жданова и помчалась к своему учителю, Лазарю Израилевичу Фогельсону, – ведущему специалисту по ЭКГ в СССР, – за консультацией. Лазарь Израилевич посмотрел снимок и сказал, что это инфаркт.

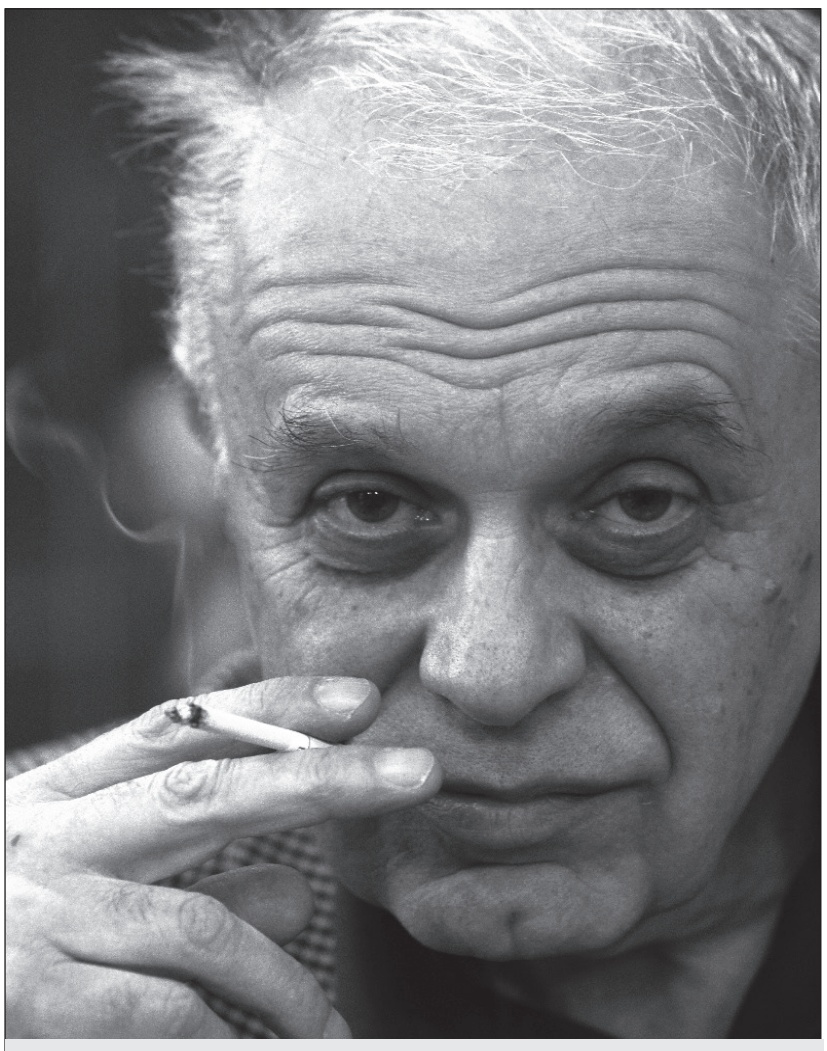
Она вернулась к себе на службу и написала служебную записку с просьбой собрать консилиум у больного Жданова, так как ее мнение расходится с мнением консультантов. Записка была адресована начальнику Лечсанупра Кремля Петру Ивановичу Егорову. От Егорова записка Тимашук непонятным образом перекочевала к начальнику охраны Сталина генералу Власику. После ареста генерала послание Лидии Тимашук попало в какие-то тайники.

О записке вспомнили, когда началось «дело врачей». Одна из газет того времени назвала Лидию Тимашук «Жанной де Арк Советского Союза». Тимашук наградили орденом Ленина.

После смерти Сталина и освобождения врачей на голову Тимашук посыпались проклятья. В отчаянии Лидия Феодосьевна начала писать письма на имя разных вождей, в которых умоляла восстановить ее доброе имя. Все ее письма остались без ответа. Орден Ленина у нее отобрали, заменив его втихую чуть позднее на орден Трудового Красного Знамени.

Виктор Давыдович разыскал своего пациента после того, как все это выяснил. «Я пригласил его к себе попить чаю, – рассказывает Тополянский. – Приготовил магнитофон для записи нашей беседы и говорю ему: «Помнишь, ты мне рассказывал...» Он даже не дал мне договорить фразу. Воззрился на меня с искренним недоумением и сказал: «Я тебе ничего не рассказывал». Поблагодарил за чай и ушел».

В конечном счете можно сказать, что Лидия Тимашук оказалась такой же жертвой последнего витка сталинских репрессий, как и арестованные врачи, разве что в тюрьме не сидела, полагает собеседник корреспондента газеты «30 октября».



СПРАВКА

«Дело врачей» *(«дело врачей-отравителей», в материалах следствия – «дело о сионистском заговоре») – уголовное дело против группы видных советских врачей, обвиненных в заговоре и убийстве ряда советских лидеров.*

Дело приобрело антисемитский характер и влилось в более общую кампанию по «борьбе с безродным космополитизмом», проходившую в СССР в 1947–1953 гг. После ареста группы врачей кампания приняла общесоюзный характер, но закончилась после смерти Сталина. Большинство арестованных по «делу врачей» были освобождены и реабилитированы 3 апреля 1953 г.

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Виктор Тополянский
Фото из личного архива В.Д.Тополянского

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

Окончание. Начало на с. 1

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ ПРО ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

ла не выразить это публично, так же как и мои товарищи по Красной площади, так же как и десятки людей во всем Советском Союзе, которые тогда так или иначе протестовали против советского вторжения в Чехословакию. Надо помнить, что хотя наша демонстрация стала самой знаменитой, но это был далеко не единственный акт протеста».

15 сентября в зале «Международного Мемориала» прошел благотворительный завтрак с Натальей Горбаневской. Завтраки несколько раз в год проводит Центр адаптации и обучения для детей беженцев и вынужденных переселенцев при РОБО «Гражданское содействие» – благотворительные пожертвования, сделанные на завтраках, помогают Центру справляться с ежемесячными тратами.

На встрече Наталья Евгеньевна вспоминала о своих соратниках и друзьях по диссидентскому движению. «30 октября» публикует фрагменты прозвучавших на благотворительном завтраке рассказов, касающиеся событий 1968 г. и выпуска «Хроники текущих событий».

Лариса Богораз

Люди, отдельные люди, индивиды, личности, поняли, что и они могут сказать свое слово, что весом каждый протест каждого отдельного человека. Таким же индивидуальным, личным протестом была и наша демонстрация на Красной площади 25 августа 68-го года. 21 августа советская армия вступила в Чехословакию. В тот же день судили и приговорили к году лагерей Анатолия Марченко – формально за нарушение паспортного режима, фактически за «Мои показания». Я не была на суде, сидела дома с ребенком, но мне было ясно: вторжение в Чехословакию – это тот случай, когда мой личный протест должен прозвучать публично. Демонстрация – другого способа не было. Но не могу сказать, что мысль о демонстрации пришла в голову мне первой. Когда я встретилась с Ларисой Богораз, то узнала, что о том же думали многие, кого она видела на суде над Марченко. Многие – гораздо больше числом, чем та горстка, которая приняла участие в демонстрации: восемь человек.

Нежнее всего я вспоминаю Лару в «полтиннике» – 50-м отделении милиции, куда нас свезли с Красной площади и где, о чудо, дали нам 3 часа, до начала допросов, остаться всем вместе (кроме Виктора Файнберга, которому на площади выбили зубы). 3 часа чистой радости: мы избавились от стыда принадлежности к «всенародному одобрению братской помощи», мы пережили несколько минут свободы. Замечу, что радость радостью, а Лариса успела проявить и заботу о самой младшей участнице демонстрации – Тане Баевой: уговорила ее отрицать участие в демонстрации, а признать лишь свое присутствие на Красной площади.

Как я познакомилась с Таней Великановой

Мы познакомились, как, думаю, никто ни с кем не знакомился: 26 августа 1968 г. на Петровке, 38, где она меня «опознавала». Расскажу по порядку (это уже рассказано в моей книге «Полдень», но где ее сегодня найти? К тому же сейчас я могу добавить некоторые детали, которых, в те времена оглашать не следовало).

Накануне этой нашей встречи мы уже видели друг друга – на Красной площади, где проходила демонстрация против советского вторжения в Чехословакию. В демонстрации участвовал Танин муж Константин Бабицкий, с которым я до того знакома не была. Впрочем, предыдущей ночью мы с ними (не я лично) говорили по телефону. Нас разные люди отговаривали – нажимая не на опасность, что не достигло бы цели, а на всякие «разумные» соображения: типа того, что вот Дубчека и прочих привезли в Москву, а наша демонстрация может, видите ли, помешать благополучному исходу переговоров. И так нажимали, что когда мы трое – Павел Литвинов, его жена Майя и я – вышли от Ларисы Богораз, оставив ее с главноуговаривающим (время уже шло часам к четырем утра), то мои спутники позвонили из автомата Бабицкому и какими-то такими словами, чтобы подслушка ничего не поняла, объяснили, что, дескать, есть сомнения. Ответила Таня: «Вы как хотите – мы идем». У нас отлегло от сердца.

На Красной площади я Таню толком разглядела, когда уже всех демонстрантов, кроме меня, схватили и увезли, а я сидела одна с детской коляской и на недоумения сбежавшейся толпы повторяла: «Мы проводили демонстрацию против вторжения в Чехословакию. У нас порвали плакаты, моих товарищей избили и увезли, у меня сломали чехословацкий флажок», – и протягивала вверх обломок самодельного древка. Таня – то есть еще не Таня, а незнакомая женщина с удивительно знакомым лицом (может, я и видела ее на улице возле какого-нибудь суда, но знакомым оно было по-другому: ясно было, что это кто-то очень свой) – стояла прямо напротив меня, держась за ручку коляски. И не только удивительно знакомым, но и прекрасным лицом и чудесной, ободрявшей меня полуулыбкой. Потом и меня увезли.

На следующий день Таня пошла на Петровку, в городское УВД, искать Костю. Формально нас задержала милиция, допросы 25-го шли в отделении милиции, и милиция же проводила обыски в домах демонстрантов. О том, что арестованных увезли в Лефортово, тюрьму КГБ, семьям не сообщили. Как только она пришла, а придя – сказала, что и сама была на площади, ее повели опознавать меня (после демонстрации, допросов и обыска оставленную на свободе, а на следующий день привезенную на допрос). Опознавать! – будто я скры-

МЕСТА ПАМЯТИ

Окончание. Начало на с. 1

дами историки, архивисты, фольклористы, краеведы, историки архитектуры и т.д. Участники получают консультации по своим проектам, делятся опытом работы в семинарской группе. «Встречи проходят регулярно, раз в две-три недели. Есть семинары публичные, когда мы приглашаем докладчика, эксперта в той или иной области городской истории, и послушать его выступление могут все желающие. Часть семинаров проходит в закрытом режиме, на них мы обсуждаем текущую работу», – отметила куратор проекта.

Виртуальная карта, над которой работают участники проекта, будет размещена в Интернете на специальном сайте. Сейчас он находится в стадии разработки. Его создатели планируют, что это будет регулярно обновляемый вебжурнал, постоянно пополняемая база данных. «Наверное, попутно мы будем издавать и бумажные версии, но главное – информационная база. Большую энциклопедию мы издавать не хотим, потому что информация постоянно пополняется. Скорее, мы будем издавать карту, которая будет выполнять роль флаера к основной карте, размещенной в Интернете. То есть в бумажной версии будут обозначены, пронумерованы и названы основные объекты, а за более подробной информацией придется обращаться на сайт», – пояснила Александра Поливанова.

По ее словам, на данном этапе участники проекта занимаются не столько поиском новой информации, сколько обработкой уже известных – широко и не очень – данных. Ведь «Мемориал» много лет занимается исследованием истории XX века. За это время было собрано множество сведений, в том числе и по Москве. «Попытки систематизировать эти данные предпринимались и раньше, но такой тотальный проект мы стали оформлять сравнительно недавно. И прежде были исследования, люди ходили в архивы, собирали материалы. Теперь мы создаем каркас виртуальной базы данных, который можно заполнять онлайн», – говорит Александра Поливанова.

Проект открыт для всех, в нем могут участвовать все желающие. Среди волонтеров есть специалисты из самых разных областей – историки, литературоведы, юристы, специалисты по интеллектуальной собственности, экскурсоводы.

Авторы проекта надеются, что со временем с помощью партнеров «места памяти» будут отмечены не только в Интернете и на бумаге, но и в пространстве города: в Москве появятся таблички, знаки, указатели, благодаря которым история оживет в памяти всех горожан, а не только специалистов. 29 октября 2011 г. мемориальцы развесили на домах Москвы временные пластиковые таблички с указанием, сколько жильцов этого дома было репрессировано. Возможно, со временем на московских домах появятся постоянные мемориальные доски. Пока же, как признаются в «Мемориале», проект востребован только теми, кто интересуется этой темой.

«Чтобы он стал востребован более широкой аудиторией, мы будем выпускать доступные продукты. Люди, получившие новую информацию, заинтересуются и захотят узнать больше», – считает Александра Поливанова.

Но узнать больше не всегда удается и самим исследователям. Огромная часть материалов, связанных с репрессиями, остается засекреченной.

Об этом, в частности, говорил 11 сентября на одном из семинаров старший научный сотрудник Института генплана Москвы, архивист, автор книг и публикаций по истории Москвы и истории московских церквей Леонид Вайнтрауб, выступивший с докладом «Московские архивы». Он рассказал о том, как организована работа в различных архивах России, об их особенностях, порядках и сложностях, и о том, как можно их обойти, чтобы получить необходимые материалы.

По словам Леонида Вайнтрауба, в российских архивах без ограничений можно работать только с материалами дореволюционной эпохи. Документы советского периода истории России частично засекречены. «Вам дадут анкеты репрессированных, протоколы, но вам никогда не дадут агентурные материалы. Не хотят давать статистику. Во многих организациях советского времени была секретная часть, связанная с КГБ, и вам ее читать не дадут», – сказал Леонид Вайнтрауб.

По его словам, сотрудники ведомственных архивов руководствуются не столько законодательством об архивах, сколько внутренними инструкциями, поэтому получить там необходимые материалы иногда просто невозможно. В государственных архивах тоже есть засекреченные документы. Так, по словам Леонида Вайнтрауба, в Государственном архиве Российской Федерации некоторое время было открыто большинство секретных материалов, в том числе связанных с репрессиями. «Но сейчас их закрыли. Секретариат и иностранный отдел ЦК КПСС вам тоже не дадут смотреть в полном объеме. Есть, например, две большие папки про отношения с Израилем в фондах Кагановича. Эти папки закрыты, никто не даст их вам смотреть. Потому что это возможно только с разрешения специалиста МИДа. А так как экспертам никто не платит за это, они не хотят приезжать и смотреть. То же самое произошло с фондом Сталина, который передали из президентского архива в РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Наиболее интересные материалы сначала передали, а потом увезли обратно, потому что там было много важных материалов по внешней политике. МИДовцы, конечно, не хотят, чтобы это видели. Также были изъяты документы, связанные с НКВД, которые посылали Сталину. Их снова забрали и не рассекретили. Есть особые папки Хрущева, Молотова, которые засекречены частично. Папка Берии засекречена вся, как и атомный проект. Какие-то документы рассекретили в 1990-е годы, когда был массовый доступ в архивы. У «Мемориала» была возможность многие документы смотреть и копировать. А потом их же засекретили», – рассказал Леонид Вайнтрауб.

«Москва. Места памяти» – проект на много лет. Как говорят его участники, трудно работать на перспективу, когда не можешь выдать какой-то продукт уже сейчас. Поэтому к Новому году они готовят пилотную бумажную карту Москвы. На нее будут нанесены основные объекты, без которых вообще невозможно говорить об истории Москвы. К тому же времени они надеются подготовить виртуальную платформу, которую будут наращивать и обогащать.

Видеозапись лекции Леонида Вайнтрауба размещена в фейсбуке в группе «Москва. Места памяти». Там же можно посмотреть выступления других специалистов-москвоведов, делавших доклады в рамках проекта.

Так, в апреле в «Международном Мемориале» с докладом «Жизнь и архитектура Москвы 1920-х годов» выступал архитектор, дизайнер, реставратор, историк архитектуры Владимир Резвин, который рассказал о самых интересных проектах новой архитектуры 1920-х годов, отразивших идею перестройки быта в России.

В мае на второй публичной встрече в рамках семинара «Москва. Места памяти» был представлен доклад Никиты Петрова и Андрея Мороза (РГГУ) «Теория и практика фольклорных исследований городского пространства». Они рассказали о проекте создания фольклорной карты Москвы, в которой будут зафиксированы устные нарративы и обрядовые практики, а также о методологии изучения устной истории города.

24 сентября с лекцией о московских тюрьмах 1920–1950-х годов выступил Михаил Коробко – историк, архивист, москвовед, автор книг и публикаций по истории Москвы и Подмосковья, лауреат Макариевской премии в номинации «История Москвы».

Наталья КРАЙНОВА,
собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»

На снимках: Москва, Лубянская площадь, сер. 1930-х гг. Александра Поливанова и Леонид Вайнтрауб.

Фото автора и из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

Разговоры могли бы продолжаться еще долго, если бы не нашелся кто-то, чтобы взяться за это. Этим «кем-то» оказалась я. Но все-таки сама, без одобрения друзей, начинать я не решалась. Тогда и произошел разговор дома у Юлика и Иры. Были, по-моему, еще Илья Габай и Павел Литвинов – и, кажется, больше никого. Не помню конкретных слов, но, в общем, мне дали «добро» и обещали помогать.

24 декабря 1969 г. ко мне пришли с ордером на обыск и, как я сразу заподозрила (и не ошиблась), на арест. В те времена, когда у кого-то происходил обыск, люди старались поехать туда, чтобы присутствовать. Звонят – и вдруг в телефоне отвечает неизвестный голос или вообще никто не отвечает, когда известно, что человек должен быть дома: значит, обыск. Ира приехала ко мне (кроме нее был еще Андрей Амальрик). На обыске произошли два чудесных события, но, чтобы было понятно, придется опять говорить о себе.

Что мой арест – вопрос не отдаленного времени, было ясно и мне, и всем. Я лихорадочно искала, кто бы мог меня заменить в качестве редактора «Хроники». После 10-й «Хроники» (выходу которой тоже предшествовал обыск у меня – по счастью, почти готовый выпуск был не дома) я договорилась о передаче «Хроники» Гале Габай. Тут к ней пришли с очередным обыском – к этому разу относится знаменитая история, как Галина мама утопила материалы к «Хронике» в кастрюле с супом. Ни в одном доме не было такого числа обысков – и до ареста Ильи, и после, – и Галя справедливо сказала, что ей «Хроникой» заниматься нельзя. В день ареста я ждала еще одного потенциального редактора – Володю Тельникова. Я обещала рассказать ему, как обрабатывать черновую информацию, как строить выпуск. Но он должен был прийти вечером, а с обыском пришли с утра.

Все материалы к 11-му выпуску: черновики на листочках, часто на обрывках, написанные множеством почерков (какая добыча для ГБ!), – я аккуратно сложила в конверт. Кроме того, в кармане зимнего пальто лежала груда лагерной информации, записанная мною накануне со слов Леры Айдовой, жены политзаключенного, возвращавшейся со свидания.

За два месяца, прошедших с предыдущего обыска, у меня накопились такие груды самиздата, что в какой-то момент следователь перестал писать протокол, запихнул всё: самиздат, письма и проч. – в папки без описи, опечатал и пообещал, что во время следствия опись и протокол будут составлены (конечно, не были). Но краем глаза я как будто увидела в ящике стола этот конверт. А одежду, висевшую на вешалке в коридоре коммунальной квартиры, вообще не обыскивали. Когда меня уводили и я прощалась и целовалась с Ирой, я надела куртку, указала Ире глазами на карман пальто и шепнула: «Прошмонай стол».

Все два с лишним года в Бутырке, институте Сербского и Казани меня мучила судьба конверта: попал он в «папку без описи» или, правда, как мне показалось, остался в столе? И это, конечно, был мой первый вопрос Ире, когда мы встретились после моего выхода. Нет, мне не показалось! После моего ухода Ира вынула и бумаги из кармана пальто, и конверт из ящика стола. Вся информация попала в 11-й выпуск «Хроники».

Вышла я в 1972-м. В том году было заведено знаменитое дело № 24 (о «Хронике»), раздавались угрозы, а кой с кем и велись переговоры о том, какие благодеяния КГБ, решивший «закрыть» «Хронику», совершит, если ее издание прекратят сами безымянные редакторы: кого-нибудь освободит, а кого-нибудь – не посадит. Однажды Ира вызвала меня поговорить. Мы гуляли по пустырю, где никто не мог нас подслушать. Она сказала, что Валерий Чалидзе настаивает на прекращении выхода «Хроники». Что я об этом думаю?

Мне было трудно отвечать. Во-первых, «не они открыли «Хронику», не им ее закрывать». Во-вторых, пока я сидела, я знала: все, что со мной происходит, по крайней мере все, что удается узнать, попадает в «Хронику». Сейчас продолжают сидеть другие люди – прекратить «Хронику» значило бы оставить их на произвол судьбы: о них не будут знать, забудут, с ними можно будет делать что угодно. И вовсю продолжать новые политические аресты и суды: западные корреспонденты будут передавать информацию только об отдельных «знаменитостях». Так что я, конечно, решительно против. «А ты что думаешь?» – спросила я в свою очередь Иру. «Мы все против: я, Надя Емелькина, Вера Лашкова...» Конечно, девчонкам (они все были очень молодые), составлявшим основную рабочую силу «Хроники», трудно было спорить с тузами «движения», но все-таки еще на некоторое время «Хронику» тогда отстояли, хотя потом ее выход и был приостановлен – с самыми плачевными результатами.

Записала Ольга РОЗЕНБЛЮМ

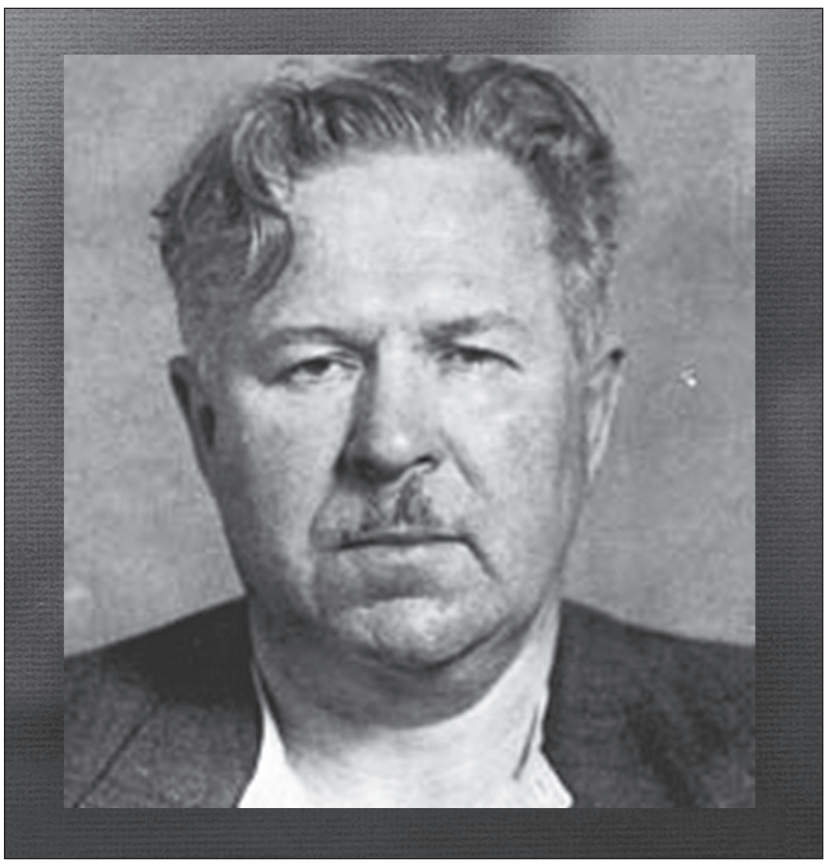
Ира Якир и «Хроника текущих событий»

Идея самиздатского информационного бюллетеня носилась в воздухе – нельзя сказать, чтобы она кому-нибудь принадлежала.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ЗЕМЛЯ ПРОФЕССОРА КРЕЙТЕРА

«Дело врачей» стало самым известным крупным групповым делом в конце 1940-х, но оно было далеко не единственным. Предлагаемый материал связан с «делом красноярских геологов», «дело красноярских геологов», которое еще называли «делом Крейтера». По этому делу было репрессировано 27 человек, но оно прошло незаметно среди остальных подобных зачисток. «Всего 27 человек»... 27 сломленных судеб, 27 незавершенных открытий, 27 потрясающих личностей... И каждый из них достоин отдельного воспоминания.



Владимир Михайлович Крейтер родился 24 октября 1897 г. в городе Новокузнецке. Любопытная деталь: Володю крестил священник по фамилии Минералов, такое совпадение, возможно, определило судьбу мальчика. В юношеские годы он активно занимался спортом, серьезно увлекался бабочками и прекрасно учился. Но применить на практике свои знания в области энтомологии ему пришлось лишь раз в жизни. Однажды перед Первой мировой войной он стоял перед открытым окном вагона поезда и ему в рот залетела оса. Крейтер сразу определил ее вид, но укус насекомого в горло сделал его на некоторое время немым.

После окончания реального училища в Барнауле Владимир в 1914 г. едет в Петербург, где блестяще сдает экзамены в горный институт. А вот диплом Крейтер защитил лишь в 1926 г. Сказались Первая мировая война, тяжелое ранение на Северном фронте, октябрьский переворот, служба в Красной армии... и первый арест в 1921 г. за антисоветскую деятельность.

Однако карьера молодого ученого началась прекрасно.

Он возглавлял геолого-разведочные партии, месяцами не вылезал из полевых работ, писал научные статьи. Знания в области геологии, способность к аналитическому мышлению отметило высокое начальство и в 1930 г. Крейтер был отправлен на годичную стажировку в Соединенные Штаты Америки и в Мексику. Этому в немалой степени способствовало отличное знание основных европейских языков. Все, чем бы ни занимался Владимир Михайлович, он делал весьма профессионально и основательно. Так что из своей стажировки он выжал все что мог и даже больше.

Крейтера провожал видный американский ученый-геолог, академик Лингрен. На прощание он сказал: «Вы – крупнейший геолог мира. Жаль, что вы покидаете Америку. Теперь СССР может обогнать нас по рудным месторождениям». Слова американского ученого оказались пророческими.

В 1933 г. Крейтер на основании своего учебника «Поиск и разведка полезных ископаемых» защитил докторскую диссертацию, в которой обобщил весь мировой опыт по этой теме. Вскоре ему было присвоено звание профессора. Специалисты утверждают, что этот учебник имеет такое же значение в геологии, как периодический закон Менделеева для химиков. По большому счету можно сказать, что из-под пера Крейтера появился не учебник, а учение, научная школа.

Крейтер не был кабинетным ученым. В разные годы он исследовал уже найденные месторождения, определял их перспективу. Это Кличка, Акатуй, Кадыя в Забайкалье, Юлия – в Красноярском крае, Каджаран – в Армении и еще множество других, названия которых мало что скажут людям, не сведущим в геологии. И все они протоптаны вдоль и поперек, прописаны, «пробиты» профессорским геологическим молотком.

Все, кто знал Владимира Михайловича, отмечали его высокую порядочность, великодушие, благородство поступков и педантичность. Он никогда никуда не опаздывал и сердился на тех, кто это делал.

Однажды Крейтер договорился принять у себя на квартире друга – профессора А. Тот опоздал к определенному времени на 10 минут. Крейтер не открыл ему дверь. Профессор А. 40 минут нажимал на кнопку звонка, потом не выдержал и крикнул с лестничной площадки на весь подъезд: «Владимир Михайлович! Простите! Я больше не буду!» Крейтер рассмеялся и открыл дверь.

И еще Крейтер был жизнелюбом. Он любил застолья, всегда находился в среде студентов, был дважды женат, любил и прекрасно читал стихи, особенно русскую классику: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гумилева...

Как-то перед войной Крейтер по дороге в Ленинград оказался в одном купе СВ-вагона с замечательным артистом Михаилом Яншиным. Они всю ночь читали друг другу стихи. Когда настало время прощаться, Яншин сказал: «Профессор, вы занимаетесь не своим делом. Ваше место на эстраде или в театре. Если хотите, то я готов оказать вам содействие...»

Дело геологов

Сталину до всего было дело, в том числе и до геологии. Он прекрасно понимал, что без собственных месторождений полезных ископаемых – железа, каменного угля, свинца, цинка, никеля – его программа индустриализации не осуществима.

То, что «великий геолог» всех времен и народов озабочен этой проблемой, прочувствовала корреспондент газеты «Правда» Анастасия Шестакова. В феврале 1945 г. она для работы над этой темой прибыла в Красноярск. Местные геологи, на свою голову, встретили ее по-царски: накормили, напоили, показали и рассказали все, о чем не стоило даже заикаться. В том числе сводили в геологический музей, где показали коллекционные образцы минералов, в том числе и образец урановой смолки. На ее вопрос «Если у вас в крае урановые месторождения?» последовал ответ: «Нет. Этот образец мы получили из Таджикистана в качестве обмена музейным фондом». Вот и захлопнулась мышеловка, в которую угодили геологи. 3 марта в «Правде» появился пасквиль «Минусинская проблема», в котором А.Ф.Шестакова «разоблачала» местных геологов в том, что они, мол, скрывают от народа открытые ими месторождения или занижают их запасы. В тексте присутствовали милые ее сердцу фразы: «могильщики полезных ископаемых», «преступление перед государством и народом», «прохвосты от геологической службы»... Более того, эта дама написала донос на геологов объемом 90 (?!) страниц. Однако ему не дали хода, и он был положен до поры до времени на полку.

Почему так произошло? Этому предшествовали следующие обстоятельства, о которых можно судить лишь косвенно.

Известно, что летом 1947 г. на отдыхе в Сочи, в присутствии Малышева, который в 1934 – 1949 гг. возглавлял Геолком страны, состоялся разговор между Сталиным и Берия о проблемах геологии. И Сталин сказал: «Лаврентий, ты не вздумай всех моих геологов пересажать». – «Что ты, Коба, как можно?!» А потом Сталин обратился к главному геологу Союза: «Товарищ Малышев, что нужно сделать, чтобы поднять престиж профессии геолога?» – «Товарищ Сталин, дайте мне подумать 2 дня. – Это много, товарищ Малышев. Вам хватит и суток. Я правильно говорю, Лаврентий?»

Малышев предложил несколько идей, в основе которых было: повышение окладов геологов, начисление выслуги лет с учетом предыдущего стажа в отрасли, снижение возраста выхода на пенсию на 5 лет, награждение орденами и медалями отличившихся специалистов и рабочих, а также обязательное ношение геологической формы, начиная с младшего руководящего состава. Вскоре был опубликован соответствующий указ, в котором были практически отражены все предложения Малышева. Кстати, геологическая форма весьма напоминала форму железнодорожников, но была совершенно не пригодна для полевых работ. В нее «наряжались» геологи вплоть до 1954 г.

В геологию полезли рвачи и авантюристы, потянулись за длинным рублем. В отчеты начали лезть дутые цифры, ложь и надувательства: не выполнялись технические задания, не бурили намеченные скважины. На мозги правительства продолжала капать Шестакова. Она опубликовала еще 2 статьи на эту тему. И вот в конце зимы 1949 г. пошли аресты. Начали с Иркутска и Красноярска, потом Томск, Москва, Ленинград... Официально по этому делу было арестовано 27 человек, но их было несколько больше. Все они были арестованы в 1949 г., а реабилитированы в 1954 г.

Последним взяли Владимира Михайловича Крейтера. Ему припомнили все: и стажировку в Штатах, и его работу в Красноярском крае, и его вольномыслие... Чтобы разорвать цепочку этих безумных арестов, профессор все замкнул на себя, признавшись во всем, что даже трудно было представить, но не подписал ни одного протокола допросов! По этой причине процесс над геологами получил еще одно неофициальное название – «дело Крейтера».

Профессора арестовали 23 мая 1949 г. Долгие месяцы его пресовали в одиночке Лефортова. Вот выписка из протокола особого совещания при Министерстве Государственной безопасности Союза ССР от 28 октября 1950 г.: «Слушали дело № 2556 Следчасти по особо важным делам МГБ СССР, по обвинению Крейтера Владимира Михайловича, 1897 года рождения, уроженца города Кузнецк Кемеровской области, русского, гражданина СССР, беспартийного.

Обвиняется по статьям: 58-6, 58-7, 58-10 часть первая и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

Постановили: Крейтера Владимира Михайловича за шпионаж, участие в антисоветской группе и вредительство заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 25 лет с использованием по специальности геолога на Енисейстрое МВД СССР.

Лично принадлежащее имущество конфисковать...»

Подобной стандартной формулировкой были «награждены» и остальные участники этого процесса.

А в 1953 г. Красноярск вновь посетила мадам Шестакова. Цель ее поездки: посмотреть, «как сидят мои арестантики».

При «Енисейстрое» в Красноярске было создано особое техническое бюро (ОТБ-1) из специалистов–заключенных: геологов, обогатителей, химиков... Все они содержались в лагере УП-8. Но и здесь Крейтеру была предопределена особая роль. Его в 1952 г. отправили отбывать срок на свинцовый рудник Карасук в сопровождении двух охранников. Они были приставлены к ученому не затем, чтобы предотвратить его побег, а для того, чтобы предотвратить попытку его похищения иностранными агентами. Этот рудник находился на юге Красноярского края, возле поселка Юлия, где расположилась геолого-разведочная партия.

ыОн ходил в маршруты, консультировал местных геологов, писал научные статьи, с которыми и сегодня можно ознакомиться в территориальном геологическом фонде, а по вечерам, после работы, читал им лекции, при этом не пользовался никаким подручным материалом. Просто чистый стол и доска с мелом. И все. А иногда читал им стихи. Крейтера любили все, даже охрана. Они были при нем как тень, ни на минуту не оставляя его одного.

Однажды произошел такой трагикомический случай. Они пошли в маршрут, и тут навстречу попалось им село, в котором гуляла свадьба. Их усадили за стол.

Имена репрессированных по «Делу Крейтера»*

1. Баландин Алексей Александрович	10. Котульский Владимир Климентьевич	19. Тетяев Михаил Михайлович
2. Баженов Иван	11. Крейтер Владимир Михайлович	20. Филатов Константин Васильевич
3. Богатский Вячеслав Вячеславович	12. Лихарев Борис Константинович	21. Шаманский Лев Иосифович
4. Булынников Александр Яковлевич	13. Меерсон Е.Г.	22. Шахов Феликс Николаевич
5. Верещагин Владимир Николаевич	14. Налимов Василий Васильевич	23. Шейнманн Юрий Михайлович
6. Вологдин Александр Григорьевич	15. Ром Яков Моисеевич	24. Шерман Марк Львович
7. Гуревич Михаил Исакович	16. Русаков Михаил Петрович	25. Шифрин Самуил
8. Григорьев Иосиф Федорович	17. Рябоконь Николай Федорович	26. Эйдельштейн Яков Самойлович
9. Доминиковский Виктор Николаевич	18. Самойлов Иван Захарович	27. Барышев Николай Васильевич

* Этот список весьма неполный, и в нем, возможно, имеются какие-то неточности.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

Охранники хорошенько поддали и отпустили Крейтера одного в маршрут. Когда он к вечеру вернулся в село, то увидел, что его стража лежит под столом и, что называется, не вяжет лыка. А отсутствие зэка к назначенному часу считалось побегом. Как быть? И тогда профессор своим способом приводит их в чувство, берет за шкирку и вместе с двумя винтовками и полным рюкзаком волочет их в лагерь. Они пришли вовремя. Сказалась крепкая физическая закалка профессора, его юношеское увлечение спортом.

И еще Крейтер удивлялся такой несуразице. Когда он был на свободе, для него сшили дорогую геологическую форму. И вот до конца срока стоимость этой формы вычисляли из его мизерной зарплаты в 60 рублей. Кстати, средняя зарплата по стране в 1952 г. составляла 350 рублей. А ведь, находясь в лагере, профессор открыл два свинцовых месторождения.

Тяжело пришлось семье осужденного. Как только близкое окружение Крейтера узнало об аресте профессора, то о нем практически все забыли. Жену – Дину Самойловну – выгнали с работы из Московского геолого-разведочного института, дочери Ирине пришлось перейти в другую школу. Но осталась горстка друзей, которая берегла память об этом удивительном человеке. Помогли с трудоустройством супруге ученого, всячески морально ее поддерживали. Друг Крейтера, член-корреспондент АН СССР В.А.Николаев, 20 июня 1953 г. послал письмо Ворошилову с просьбой помиловать ученого. Оно осталось без ответа. Кстати, академик Обручев отправил послание в ЦК партии, где он заступался за

всех осужденных геологов, убеждая, что на воле эти люди принесут больше пользы государству, чем в лагере. Но все оставалось без изменений.

Летом 1953 г. тайно приехала из Москвы в Карасук Дина Самойловна. Хотя в поселке были проблемы с жильем, добрые люди нашли для нее место, где она прожила полную неделю. Об этом знал весь поселок, в том числе и охрана. Но никто ее не выдал, и жена Крейтера благополучно вернулась домой.

Вскоре после кончины Сталина, была объявлена амнистия, но не для политических. Крейтер так переживал, что не попал под амнистию, так мечтал о досрочном освобождении, что у него в конце 1953 г. случился инсульт. Его частично парализовало. Профессора перевели в лагерную больницу. В результате лечения речь восстановилась достаточно скоро, а вот движения правой руки и ноги остались ограниченными до конца жизни. Когда здоровье пошло на поправку, его отправили на прежнее место работ.

Его, как и всех сидельцев по этому «делу», освободили по определению Военной коллегии Верховного суда СССР за № 411-029917/54 от 31 марта 1954 г.

Крейтеровские чтения

Ученый вернулся из лагеря больным, но не утратившим оптимизма. Он лечился, был направлен в санаторий, до конца своих дней ходил с палочкой. Крейтера восстановили на прежней работе, вернули все звания и регалии. К нему сразу же вернулось его «окружение» – стукачи и завистники. Но профессор великодушно их не замечал.

В 1954 г. Министерство геологии СССР, Государственный комитет по запасам полезных ископаемых решили перепроверить данные по всем месторождениям и научным работам, выполненным осужденными геологами. Крейтер написал в ГКЗ большую докладную записку, в которой обосновал, что этого делать не надо. Во-первых, страна понесет большие затраты, а во-вторых, никто из репрессированных геологов не был «шпионом и антисоветчиком» и всем их данным можно доверять. В правительстве прислушались к мнению авторитетного ученого и решили не производить эту большую никчемную работу.

Примерно в то же время Крейтер пишет письмо Хрущеву, в котором он обвинил Шестакову в том, что «она несет огромную долю ответственности не только за тюремное заключение и смерть геологов, но и за миллионы рублей, бесцельно и безответственно растраченные «Енисейстроем», за несправедливую пощечину тысячам геологов, которые учились и работали по книгам репрессированных профессоров. Она отвечает и за то, что огромнейшие средства направлялись на «ликвидацию последствий» никогда не существовавшего вредительства...»

За свои деяния Шестакова была «серьезно» наказана – ее исключили из партии.

В разные годы профессор основал и возглавлял три кафедры «Поиска и разведки полезных ископаемых»: в Московском геолого-разведочном институте, в Институте цветных металлов и золота, в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, в котором работал до конца жизни.

Крейтера не стало 31 декабря 1966 г. Он похоронен на Немецком кладбище в Москве.

Память о профессоре сохраняют коллеги-геологи. Ежегодно в день его рождения, 24 октября, начиная с 1967 г. в Университете дружбы народов проходят Крейтеровские чтения. На них, продолжая научные идеи Крейтера, выступают видные ученые, для которых служение геологической науке стало образом жизни. К счастью, современное поколение ученых-геологов не жило в стране, которая с тупой безжалостностью уничтожала собственную духовность в одиночках Лефортова и бараках ГУЛАГа. Имя профессора Крейтера навсегда сохранится в анналах отечественной истории и науки.

Вячеслав ЛОБАЧЕВ

На снимках: фото из личного дела заключенного В.М.Крейтера. Фото из архива автора. Развалины барака Енисейстроя. Фото из архива Красноярского «Мемориала»

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

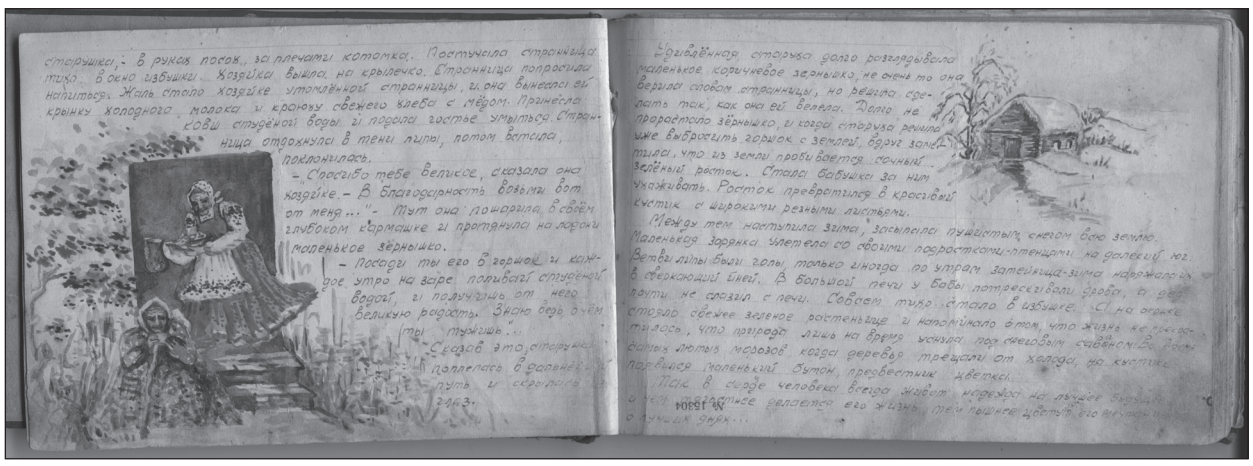
Окончание. Начало на с. 1

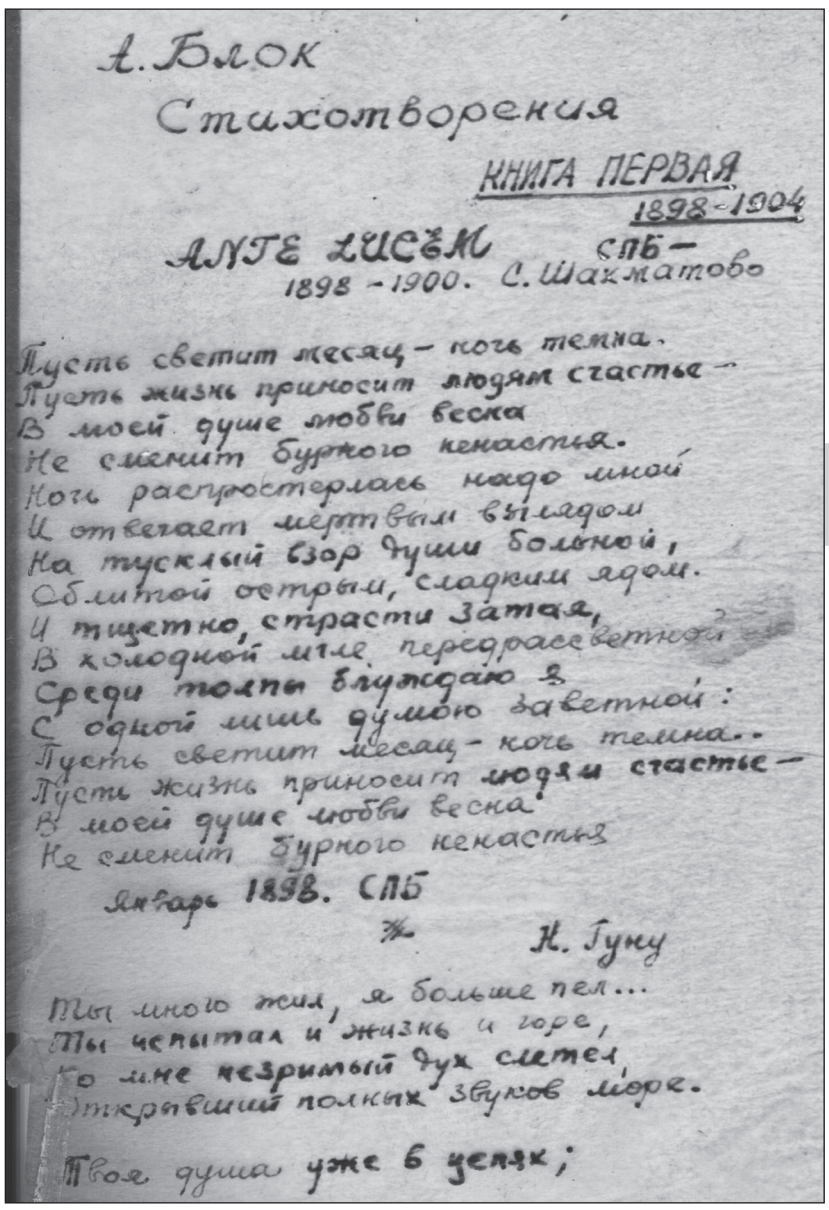
«АЛЬБОМЫ НЫНЧЕ СТАЛИ РЕДКИ...»

Сказка «Мизиночка» (аналог «Дюймовочки»), сочиненная в 1946 г. Ниной Швачко для своей дочери Оксаны, после ареста мамы оставшейся с бабушкой. Сказка была проиллюстрирована ее солагерницей Надеждой Набока в Карлаге (Караганда, Казахстан). Еще одно авторское произведение – созданная в 1945 г. поэма Е.П.Орловой «Царевна Сююмбекки» (казанская легенда) с рисунками автора.

Альбом художника Бориса Свешникова, который отбывал наказание в Ухтпечлаге, работая в одной бригаде в Львом Кропивницким, отображает его лагерные впечатления.

Уникальный экспонат выставки – дореволюционный альбом, в котором в 1916 г. написала свои простенькие стишки





На снимках: *обложка и разворот рукописного альбома со сказкой «Мизиночка» Н.Швачко. Иллюстрации к книге делала солагерница и подруга Н.Швачко Н. Набока.*

На снимке: *Самодельный сборник стихов А.А.Блока. Твердый переплет имитирует старинный. Изготовлен заключенным Инталага, обладавшим даром каллиграфа и переплетчика, по заказу Коммунэллы Маркман, отбывавшей в Инталаге 25 лет строгого режима.*

Надежда Аллилуева – будущая жена Сталина.

Как отметила в интервью корреспонденту «30 октября» хранитель музея Светлана Яковлева на Фадеева, участие в выставке – хорошая возможность для музея рассказать о себе и познакомить широкие круги московской публики со своими экспонатами. «Формально мы не являемся самостоятельным музеем. Мы – одно из подразделений «Мемориала». И о том, что здесь есть такой музей, знает не так много людей. Участвуя в этой выставке, мы попадаем в общемузейное пространство. Это известный музей, туда ходит много людей, которые смогут увидеть эти альбомы. Кроме того, экспонаты, представленные «Мемориалом», показывают ту сторону создания альбомов, которая неизвестна большинству населения», – пояснила Светлана Яковлева. «Мы можем показать эту культуру альбомов с другой стороны. Даже в лагерях и тюрьмах писали стихи, рисовали, сохраняя человечность в нечеловеческих условиях. Наряду с Маяковским, Крученых и т.д. вдруг появляются альбомы не известных до того людей. Они не были профессиональными художникам или поэтами, но они не могли жить без стихов и картин», – сказала она.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»
Фото автора.

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ ОТКРЫЛСЯ МЕМОРИАЛ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Во Владивостоке 15 августа 2013 г. на Лесном кладбище открылся мемориал жертв политических репрессий, останки которых были найдены в 2009 г. при строительстве федеральной дороги к саммиту АТЭС-2012. О найденных строителями останках и о проблемах с их перезахоронением в № 114 «30 октября» подробно писал Дмитрий Семенович Суходолов, ныне покойный председатель Приморского «Мемориала».

Открывшийся в августе Мемориал возведен по инициативе и при активном участии Светланы Сергеевны Морозовой, председателя Совета почетных граждан Владивостока. В настоящее время заканчивается строительство часовни у Мемориала. Ее открытие запланировано на 30 октября – День памяти жертв политических репрессий. На территории Приморья в 1930-е гг. действовали несколько лагерей ГУЛАГа, в том числе «пересыльная тюрьма» в районе Второй речки Владивостока.

Человеческие останки обнаружили строители

Строители федеральной трассы «Поселок Новый–Де-Фриз–Седанка–Патрокл» в октябре 2009 г. обнаружили массовые захоронения. Работы были приостановлены, началась эксгумация человеческих останков.

«При строительстве дороги, которую прокладывали в рамках подготовки к саммиту АТЭС-2012, строители обнаружили человеческие останки. Их там было очень много: во время эксгумации волонтеры извлекли около 500 черепов, 2 из которых были детскими. На всех черепах в затылочной области были сквозные пулевые отверстия. Эксперты установили, что останки принадлежат жертвам политических репрессий», – рассказала Светлана Сергеевна корреспонденту газеты «30 октября».

Волонтеры извлекли из земли более 5 тысяч праха, который был перезахоронен в братской могиле на Лесном кладбище города Владивостока в ноябре 2010 г.

Светлана Морозова: Сын попросил меня заняться Мемориалом

Два года назад Светлана Сергеевна потеряла своего единственного сына. Александра похоронили на Лесном кладбище, в нескольких метрах от братской могилы, где были захоронены останки более 5 тысяч жертв политических репрессий 1930-х годов прошлого столетия.

«На этой братской могиле размером 17 на 7 метров стоял тяжелый деревянный крест, – рассказывает Светлана Морозова. – Я приходила на могилу к своему сыну каждую субботу и ни разу не видела у братской могилы ни людей, ни цветов».

Светлана Сергеевна продала квартиру своего сына и установила ему памятник. «Каждый раз, приходя на могилу к сыну, я испытывала чувство стыда, – продолжает Светлана Морозова. – У меня было такое ощущение, что сын говорит мне: «Мама, ты для меня одного столько сделала, а в соседней могиле лежит столько народа... Ты, наверное, займись этим».

На оставшиеся от продажи квартиры сына деньги Светлана Сергеевна решила сделать памятник жертвам политических репрессий. Получив согласие директора некрополя Игоря Михайловича Бабытина, Морозова приступила к реализации своей идеи. «Я сразу заплатила триста тысяч фирме «Стикс-П», которая делала памятник моему сыну, но этой суммы было явно недостаточно, и я обратилась за помощью к спонсорам, – вспоминает Светлана Морозова. – Я позвонила шести самым богатым в нашем крае людям, они все знают меня. Они мне пообещали рассмотреть мою просьбу и перезвонить. Так и не дождавшись звонка от этих людей, я позвонила коммерческому директору фирмы «Ротимир» Евгению Коржу».

Деньги на Мемориал собирали всем миром

Изложив свою просьбу, Светлана Сергеевна добавила: «Женя, если ты скажешь мне «нет», я на тебя не обижусь». «Видимо, у меня был полный отчаяния голос, и Женя уловил эти нотки, – вспоминает собеседница корреспондента газеты «30 октября». – Он ответил мне тогда: «Это дело чести нас, молодых, я беру на себя эту обязанность. Присылайте ко мне вашего подрядчика с эскизами и со сметой».

Светлана Морозова – почетный гражданин Владивостока. Каждый понедельник она бывает на планерках у мэра Владивостока Игоря Сергеевича Пушкарева. «Я рассказала ему о своем почине. Игорь Сергеевич откликнулся сразу. «Я, говорит, из казны не могу взять ни копейки, поскольку городской бюджет планируется заранее, но свои личные деньги я дам».

Директор некрополя тоже не остался в стороне – он внес свои деньги в строительство Мемориала. Фирма «Стикс-П» взяла на себя расходы по оплате труда рабочих, которые трудились без выходных. Мраморный крест с изображением Иисуса Христа прислали бесплатно из Москвы друзья Светланы. В результате памятник обошелся приблизительно в 2,5 миллиона рублей.

Мемориал был сделан за 2 месяца. На его открытие, которое состоялось 15 августа, пришло много людей. Митрополит Владивостокский и Приморский Вениамин совершил заупокойную литию по всем невинно расстрелянным в лесах под Владивостоком в 1930-е годы XX века.

Теперь, когда люди заходят на это кладбище, они останавливаются у Мемориала, а некоторые даже становятся на колени и молятся. «Скажу вам честно: ни в моей семье, ни у моих родственников жертв политических репрессий не было, – говорит Светлана Морозова. – Создание Мемориала – это мой человеческий порыв».

Часовня

В процессе работы над мемориалом у Светланы Сергеевны возникла мысль о возведении часовни. Она обратилась с этой идеей к губернатору края Владимиру Владимировичу Миклушевскому. Губернатор идею Морозовой поддержал, пообещав оказывать всяческое содействие в ее реализации.

Дмитрий Сулеев, депутат Думы города Владивостока, взял все расходы по возведению часовни на себя, перечислив на специально открытый в Сбербанке счет необходимую сумму. Материальную помощь оказали и другие депутаты городской Думы, депутаты Законодательного собрания, сотрудники мэрии Владивостока, перечислив свой однодневный заработок на указанный счет.

«Я недавно видела сон: я докладываю на небеса о том, что сделала для людей, – рассказывает Светлана Сергеевна. – «А сын мой там?» – спросила я. Мне сказали: «Конечно». А после этого я услышала голос сына, который сказал мне: «Мама, мама, ты все делаешь правильно».

Открытие часовни намечено на 30 октября – День памяти жертв политических репрессий.

Планы

После открытия мемориала на Лесном кладбище Светлане Сергеевне стали звонить жители Владивостока с предложением возвести мемориал и на Морском кладбище, где тоже много захоронений. «Мы уже там сделали фундамент, продолжать будем после холодов, в апреле. Там тоже будет часовня, – рассказала Светлана Морозова. – Мы рассчитываем, что большую часть расходов возьмет на себя Сбербанк – на Морском кладбище похоронены две сотрудницы банка, которые, спасаясь от пожара, выпрыгнули из окон девятого этажа».

В планах Светланы Сергеевны благоустройство территории вокруг Мемориала на Лесном кладбище. «Благоустройство территории вещь дорогая, – говорит Светлана Морозова. – Но мэр Владивостока Игорь Пушкарев обещал взять решение этого вопроса на себя».

Игорь Ткаченко, начальник управления по работе со СМИ мэрии Владивостока, подтвердил корреспонденту «30 октября», что мэрия поддержала идею Морозовой. «Останки нашли при строительстве федеральной трассы. По ним была проведена экспертиза, подтвердившая что это останки расстрелянных в 1930-е годы людей. В 2010 г. мэрия организовала торжественное перезахоронение останков. Когда Светлана Сергеевна выступила с идеей создания Мемориала жертвам политических репрессий, мэр города эту инициативу сразу поддержал, внес свои личные деньги на строительство мемориала, оказывал всяческое содействие в том, чтобы облагородить территорию вокруг памятника», – подтвердил Ткаченко. Губернатор Владимир Миклушевский также поддержал идею создания этого памятника и внимательно следил за ходом его строительства. Он не раз подчеркивал важность этого проекта, ведь Мемориал – это история нашей страны, края. Это дань памяти всем безвинно погибшим людям. В октябре у памятника появится часовня, ее также возводят на пожертвования.

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: торжественное открытие Мемориала.
Фото предоставлено пресс-службой Администрации Владивостока.

ПУСТЬ ГОРЬКАЯ, НО ПРАВДА...

Только в 2009 г. Нариман Кипшакбаев узнал горькую правду о своем отце. Разбирая документы после смерти старшего брата, он узнал из них, что его отец, Булекбаев Бетше, был репрессирован. Этот факт в семье скрывали, чтобы не навредить деятельности Наримана. По профессии инженер-гидротехник, он занимал пост министра водного хозяйства Казахской ССР, был депутатом Верховного совета республики. Сейчас преподает в институте.

...И вот на 79-м году жизни Нариман Кипшакбаев (у них с отцом разные фамилии) снялся с места и из Астаны вместе с двумя своими сотрудницами направился в Комсомольск, чтобы поклониться могиле своего отца.

Сначала он вел переписку с архивом УФСИНа и ФСБ Хабаровского края, откуда получил необходимые сведения, согласно которым Булекбаев Бетше умер в Комсомольске в 1942 г. и похоронен на кладбище больницы № 2 7-го отделения Нижне-Амурского ИТЛ. Но ни архив, ни ФСБ указать это кладбище не могли. Поисками кладбищ заключенных занимается общественная организация «Мемориал».

...Рано утром в июле 2013 г. родственники, приехавшие в Комсомольск, позвонили мне и сказали, что они хотели бы посетить могилу Бекше Булекбаева.

Обычно по поводу захоронений мы ведем с родственниками многомесячную переписку с уточнениями и дополнениями, и первое, о чем сразу ставим их в известность, что не только могил, но и самих кладбищ заключенных не сохранилось. Лучший вариант, если мы по документам сможем определить место, где находилось это кладбище. Обычно после таких уточнений число родственников, желающих приехать в Комсомольск, резко сокращается. На моей памяти за 20 лет приезжали человека 3–4.

...19 августа 1993 г. впервые в истории Комсомольска на официальном уровне рассматривался вопрос «О создании мемориальных

зон на захоронениях в Ленинском районе». Это происходило на заседании Малого депутатского Совета и администрации Ленинского района. К этому заседанию я готовила историческую справку о предполагаемых местах для мемориальных зон. Город комсомольской славы был центром лагерной системы Хабаровского края. Об этом неумолимо говорят цифры и факты. За время с 1933 по 1955 г. через Комсомольскую пересылку прошло не менее 900 тысяч человек. В самом Комсомольске в разные годы работало от 4 до 15 тысяч человек заключенных. На территории города размещалось до 40 лагерных пунктов.

Одна из мемориальных зон – кладбище заключенных на «амурлитмашевской сопке», которое находилось недалеко от лагерной больницы № 2. Сначала там была лагерная зона, потом лагерников распределили по другим зонам. Один из пяти бараков был туберкулезным. Умерших хоронили там же, за больницей, в яме, голых, но с бирками на ногах.

Сейчас на месте захоронений построены дачи. Между садовым участком, расположенным на части бывшего кладбища, и дорогой была освобождена зеленая зона для установки памятника. Проект памятника был разработан архитекторами Ленинского райисполкома, утвержден главным архитектором города в 1993 г. Был подобран большой камень для установки на этом месте (камень до сих пор лежит в районе Дома правосудия, см. М.Кузьмина. Следы затоптанных могил, 2007). Установке памятника помешало отсутствие финансирования.

Именно на этом кладбище и был похоронен Бетше Булекбаев.

Нариман хотел бы поставить памятник на этом месте за свой счет. Но, узнав, с какими проблемами это сопряжено, отказался. Решил ограничиться столбиком с надписью на металлической табличке. Заказ выполнили в одном из ритуальных агентств. Старший по улице дачного поселка, на которой должен стоять столбик, Юрий Григорьевич, принял участие в установке столбика и обещал обустроить территорию (метр на метр) вокруг него.

На одной табличке надпись: «На этой территории находилось кладбище больницы № 2 Нижне-Амурского ИТЛ».

На второй: «Здесь 22.07.42 был захоронен осужденный по статье 58 Булекбаев Бетше 1906 г.р. Уроженец Казахстана. От сына Наримана. 2013 год».

Марина КУЗЬМИНА,
председатель Комсомольского-на-Амуре отделения Российского общества «Мемориал»

На снимке: установленный памятный знак.
Фото автора.

Отделение «Мемориала» в Комсомольске-на-Амуре, к сожалению, пока не справляется самостоятельно с последствиями стихийного бедствия, хотя уровень воды в Амуре начал снижаться. Основные проблемы могут возникнуть с наступлением холодов. Для помощи коллегам мы открыли яндекс-кошелек 410011985444459 и поставили копилку в офисе московского отделения «Мемориала» (Каретный ряд, 5).

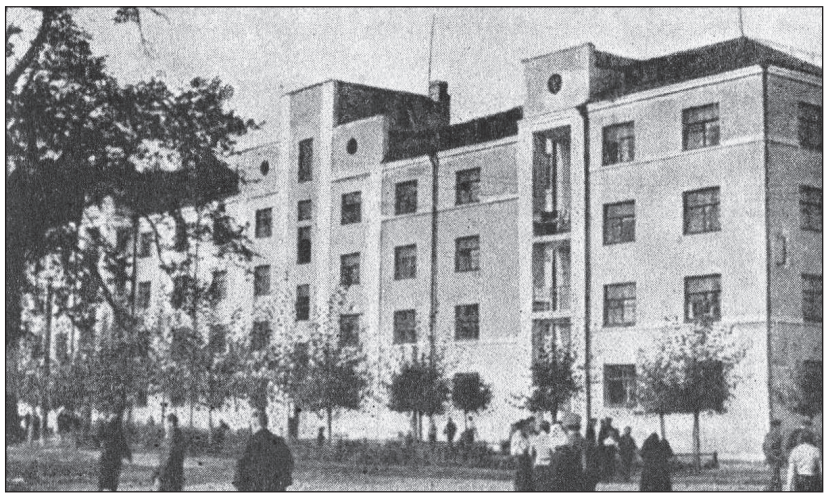
ПАМЯТИ БОЛШЕВЦЕВ – ВОСПИТАННИКОВ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Почти 9 десятилетий назад зародился уникальный социальный и педагогический эксперимент под названием Болшевская трудовая коммуна. Она прожила (хочется сказать именно – прожила, а не просуществовала) 15 лет, с августа 1924 г. по январь 1939 г. Располагалась она на территории современного наукограда Королева, а название получила от ближайшей железнодорожной станции Болшево.

18 августа 1924 г. вышел приказ административно-организационного управления ОГПУ № 185 за подписью зампреда ОГПУ Г.Г.Ягоды, давший путевку в жизнь уникальному эксперименту по перевоспитанию малолетних правонарушителей. Так началась история Болшевской трудовой коммуны.

Из приказа административно-организационного управления ОГПУ № 185 от 18 августа 1924 г.: «Объявляется приказ Зампред. ОГПУ (тов. Ягода).

1. Для борьбы с малолетними правонарушителями в возрасте от 13 до 17 лет организовать Детскую трудовую коммуну при ОГПУ на 50 человек.



2. Заведующим Детской трудовой коммуной назначается Мелихов Ф.Г.

3. Заведующего Детской трудовой коммуной подчинить во всех отношениях Погребинскому М.С., коему действовать на основании утвержденного мною плана работы...»

Июль (август) 1924 г. Из разговора члена коллегии ОГПУ и М.С. Погребинского – организатора Болшевской трудкоммуны (из книги «Болшевцы». М., 1936):

«– Никакой охраны, принуждения, решеток не должно быть. Полная добровольность пребывания в коллективе. Высший закон для коллектива – постановление общего собрания. Мы скажем им: вот жилые дома, которые вы сами построили, вот мастерские, которые вы оборудовали, вот ваши инструменты, инвентарь, одежда, пища... Все это – ваше! Берегите приобретенное вами производство, имущество, умножайте его. Приближайтесь через это к социалистическому пониманию труда, управляйте собой сами... Высшая награда для члена коллектива – решение общего собрания, что человек исправился и свободен в выборе местожительства, профессии. Если он оправдает такое доверие, с него снимается судимость и даются права гражданства.

– Не разбегутся они у нас без охраны? – спросил полушутя Погребинский.

– Для того вы и поставлены, чтобы не разбежались. Все зависит от вашего уменья заинтересовать их новой жизнью.

– Один вопрос, – обратился Погребинский, – как мы назовем наше учреждение?

– Назовем это учреждение так, как советовал Дзержинский: «Трудовая коммуна бывших правонарушителей».

(Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г.Ягоды трудкоммуны НКВД. М.: ОГИЗ, 1936. С. 32.)

Доверие к воспитуемым, свобода, самоуправление, труд и учеба – основные принципы, на которых строилась и жила коммуна... И эти простые принципы поистине творили чудеса с теми, кого, казалось бы, уже невозможно было спасти. Вернее сказать, чудеса творили люди, воплощавшие эти принципы в жизнь: Матвей Самойлович Погребинский, Сергей Петрович Богословский, Федор Григорьевич Мелихов, Михаил Михайлович Кузнецов и другие – педагоги не по профессии, а по призванию. Правда, один из них был действительно профессиональным педагогом – Ф.Г.Мелихов, *«энергичный, семидоусый мужчина с крупным педагогическим стажем и опытом»*, *мечтавший «о педагогических опытах большого размаха»*... («Болшевцы», с. 33, 51).

Можно смело сказать, что мечта Федора Григорьевича сбылась, и «размах» действительно был огромный!

18 беспризорников и 15 урок-заключенных из Бутырской тюрьмы стали воспитанниками трудкоммуны в 1924 г. В 1935-м, в год, когда отмечали 10-летие коммуны, поселок коммунаров насчитывал уже 3 тысячи человек, а производство коммуны, начинавшееся в 1924 г. с кустарных мастерских, в 1930-е годы представляло из себя высокоорганизованный комбинат спортивного профиля. 30 июня 1935 г. состоялся физкультурный парад на Красной площади, где стройными рядами шли коммунары-динамовцы, гордо демонстрируя свои достижения: ракетки, лыжи, спортивную обувь, одежду, коньки... В Королёвском музее есть кадры кинохроники: на лицах юношей и девушек улыбки, радость и гордость, с трибуны Мавзолея коммунаров приветствует товарищ Сталин... Правда, Ф.Г.Мелихов не дожил до празднования юбилея. Он ушел из жизни в марте 1934 г. Смерть спасла его от репрессий... Все остальные руководители, а также большинство воспитателей и десятки воспитанников в 1937–1938 гг. были арестованы и расстреляны, М.С.Погребинский застрелился после ареста Г.Г.Ягоды, а сама Болшевская трудкоммуна надолго ушла в забвение.

Лишь в 1990-е годы о коммуне заговорили снова. В историко-краеведческом музее Королева (тогда еще подмосковного Калининграда) материалы по истории коммуны были включены в экспозицию по истории города, работниками музея и краеведами к 70-летию коммуны был подготовлен альманах «Болшево».

Усадьба «Костино», где располагаются экспозиции Королёвского исторического музея, была свидетельницей образования и роста коммуны. Здесь сохранился бывший господский дом, ставший в далеком 1924 г. пристанищем для первых воспитанников коммуны, где поначалу были устроены и мастерские – сапожная и столярная. В бывшем гостевом доме усадьбы жили со своими семьями руководители и воспитатели. Сохранилось и здание управления коммуны, и небольшая площадь перед ним, которая когда-то встречала многочисленных гостей коммунаров. Но, пожалуй, главным свидетельством масштабности событий, происходивших в 1920–1930-е годы на территории нынешнего Королева, является архитектурное наследие коммуны: 10 конструктивистских зданий, построенных в первой половине 1930-х годов по проекту известных архитекторов А.Я.Лангмана и Л.З.Чериковера (вместе они проектировали старейший московский стадион «Динамо», А.Я.Лангман – автор проекта здания Государственной думы на Охотном ряду). Ансамбль Болшевской трудовой коммуны, расположившийся на улицах Дзержинского, Орджоникидзе, Макаренко, – своеобразный музей под открытым небом. Здесь каждое здание со своей историей. Сохранился и дом, где жил «цвет» коммуны: руководители фабрик, воспитатели, музыканты...Отсюда в 1937–1938 гг. безвозвратно ушли десятки человек. Их расстреляли, а сыновья и дочери, выгнанные с матерями на улицу, получили клеймо «детей врагов народа». До сих пор память репрессированных коммунаров не увековечена, хотя было бы справедливо отметить здание мемориальной доской. Особое место в архитектурном комплексе трудкоммуны занимает так называемый дом «Стройбюро» – первое капитальное четырехэтажное жилое здание в поселке, построенное в 1928–1930 гг. для руководителей и инженерно-технических работников производственно-спортивного комбината, который сейчас отчаянно пытается отстоять свое право на жизнь. Администрация города хотела снести здание, чтобы построить на его месте многоэтажки. Но за дом вступились активисты Королёвского отделения ВООПИиК, дело получило широкий резонанс. В защиту дома, являющегося ярким образцом конструктивизма, вступились профессора МАРХИ, сотрудники Музея архитектуры имени А.В.Щусева, члены DOCOMOMO-Россия (российской секции международной организации, занимающейся изучением и защитой архитектурного наследия модернизма) и даже министр культуры Подмосковья Олег Рожнов... Но дальше, по ставшей уже классической схеме, в доме сначала произошел погром: были выбиты стекла и двери, а затем пожар, который – слава богу, из дома еще не все люди выехали! – был потушен.

На фоне этих событий по-особенному, двусмысленно, звучат стихи 1930-х годов. Тогда светлым, гордым новостройкам посвящали книги, кинохроники, зарубежные публикации, они принимали иностранных гостей, становились источником вдохновения для поэтов:

Громче, мой стих, кричи!
Я не такой, как прежде.
Я сегодня пою кирпичи,
На которые вся надежда.
Гляди, кинь кругом
Зорким хозяйским взглядом.
Видишь – белый верзила-дом?
Через год новый дом станет рядом.

Кирпичи штабелями, леса
На солнце красуются гордо.
Будут из них расти корпуса
Небывалого нашего города...

Отрывок из стихотворения «Кирпичи» коммунара Павла Бобракова, опубликованного в 1931 г. в альманахе бывших правонарушителей «Вчера и сегодня», – лишь маленькая крупица большого литературного наследия, которое оставила Болшевская трудовая коммуна. Есть еще автобиографические повести, рассказы бывших беспризорников, пьесы и стихи... Много стихов... Разных, но одинаково трогательных.

И в этом ряду литературного и педагогического наследия возвышается книга очерков «Болшевцы», рассказывающая об организации коммуны, ее первых воспитанниках и руководителях. У книги сложная судьба: увидевшая свет в 1936 г. в количестве 100 тысяч экземпляров, она имела большой успех у читателей, но вскоре, вслед за коммуной, была «репрессирована» – изъята из продажи и предана забвению. В «выживших» экземплярах книги люди, гонимые страхом, вырывали страницы, вымарывали фамилии «врагов народа» (в книге упоминались Г.Г.Ягода, принимавший непосредственное участие в организации и жизни коммуны, Л.Д.Вуль, И.М.Островский). Найти непострадавший экземпляр в наше время практически невозможно, букинисты предлагают книги в разном состоянии испорченности и цена начинается от нескольких тысяч.

Пару лет назад автору этих строк удалось стать счастливой обладательницей «Болшевцев». Мой экземпляр тоже с отпечатком времени: не хватает нескольких страниц с фотографиями, вместо портрета Ягоды вклеен портрет Дзержинского, но текст существенно не пострадал... С тех пор книга стала для меня настольной. 3,5 сантиметра толщины, более 500 страниц, несколько десятков имен, фамилий, прозвищ... Судьбы нескольких героев описаны довольно подробно, некоторым посвящены отдельные очерки. Большинство главных героев книги расстреляны в 1937–1938 гг.

Соколов-Овчинников Михаил Фаддеевич (среди беспризорников был известен как Овчина-Соколов) в книге «Болшевцы» выведен под фамилией Накатников. Один из ярких представителей «перековки» (так называли процесс перевоспитания правонарушителей в коммуне). Родился в 1908 г. в Саратове. После смерти отца в 1918 г. вместе с матерью занимался торговлей на рынке, начал воровать. В 1922 г. приехал в Москву. Бродяжничал, имел приводы, попал в Бутырскую тюрьму. Осенью 1924 г. стал одним из первых воспитанников Болшевской трудовой коммуны. Работал в столярной мастерской. Обладал организаторскими и ораторскими способностями, всегда присутствовал на заседаниях конфликтной комиссии (орган самоуправления коммуны) и принимал активное участие в перевоспитании других коммунаров. Играл в струнном оркестре. В 1925 г. поступил на рабфак. В 1927 г. вместе с Погребинским и Мелиховым участвовал в организации коммуны № 2 ОГПУ в Звенигороде. В Красногорске в государственном архиве кино- и фотодокументов хранится пленка под названием «Беспризорные», где запечатлены первые шаги в организации коммуны № 2. Из товарных вагонов высыпаются беспризорники: лохматая, чумазая, всклокоченная шпана. Молодой парень в фуражке и пальто помогает спускаться ребятам. *«При виде этих физиономий с вывороченными красными веками, с разбитыми губами, при виде рук и ног, покрытых цыпками, ссадинами и кровоподтеками, он остро почувствовал чистоту своего тела, свое здоровье и силу.*

Невольно он подумал: «Неужели и я таким был? Вот банда! Ну и банда!..» («Болшевцы», с. 335).

Соколов-Овчинников первым из коммунаров получил высшее образование, окончив в 1935 г. МВТУ. На третьем году обучения в вузе был назначен директором механического (конькового) завода трудкоммуны, затем заведующим производством. В честь 10-летия коммуны был награжден почетной грамотой ЦИК СССР и часами. В 1937 г., после ареста Г.Г.Ягоды и самоубийства М.С.Погребинского, Соколов-Овчинников был уволен из коммуны, работал заместителем главного инженера Болшевского машиностроительного завода. В декабре 1937 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1957 г.

Чуваев Алексей Дмитриевич родился в Москве в 1905 г. В коммуну попал в возрасте 20 лет из Бутырского изолятора. В книге «Болшевцы» представлен под фамилией Гуляев. Он *«был среднего роста, широкоплеч. Его светло-русые волосы гладко ложились назад, открывая большой лоб, разрезанный глубокой морщиной. Маленькие*

На снимках: «Верзила-дом» (дом «Стройбюро») – первый многоэтажный дом в Болшевской коммуне (Арх. А. Я. Лангман), которому угрожает разрушение. Слева – архивное фото 1930-х гг., справа – вид дома сегодня. Фото из архивов Королевского исторического музея и Королёвского отделения ВООПИиК

Окончание на с. **10**

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

Окончание. Начало на с. 9

ПАМЯТИ БОЛШЕВЦЕВ – ВОСПИТАННИКОВ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

светло-карие глаза смотрели строго, густые брови постоянно хмурились, толстые, плотно сжатые губы выпячивались вперед, и от этого он казался злым и угрюмым. Ходил он по-матросски – вразвалку, сурово поглядывая то в одну, то в другую сторону. Но самым примечательным у Гуляева были руки – короткие, толстые, будто вырубленные из дуба. Возьмет в свою широкую шершавую ладонь руку какого-нибудь приятеля, сожмет ее и смеется. А приятель морщится, приседает от боли. Сильные руки были у Лехи» («Болшевцы», с. 70).

Чуваев был дерзок, упрям, имел за плечами несколько судимостей и немалый воровской стаж, поэтому тяжело привыкал к новой жизни, всерьез помышлял об уходе из коммуны. Но воспитатели старались найти «ключик» к каждому подопечному, выявить их интересы и хорошие качества... Так было и с Алексеем Чуваевым. Этот парень с сильными руками, как оказалось, очень любил... голубей. *«Давно, еще в детстве, расстался он с ними, но воспоминание жило в нем до сих пор. Воспоминание это настигало его всегда неожиданно и в самых разных местах – в шалмане, в тюрьме, даже на «работе». Перед ним вставал темный чердак с прогнившими балками, паутиной в углах, широким столбом пыльного света, идущего через слуховое окно, и мягкий горловой говор голубей, гуляющих по облупленной крыше. Он видел вечерний сумрак над ветхой деревянной каланчой – белый голубь, мигая хрустким крылом, уходит все выше и выше в теплое небо и вдруг блеснет розоватой позолотой»* («Болшевцы», с. 77). Заведующий коммуной, прознав о «слабости» своего подопечного, совершил, на первый взгляд, необдуманный поступок: дал вору (!) денег на покупку голубей и отпустил одного в Москву... Парню пришлось делать сложный выбор: вернуться к прошлому или начать новую – сложную, но честную, трудовую, светлую – жизнь. И он сделал этот выбор: вернулся в Болшево и занялся обустройством голубятни!

Вскоре Леха начал работать в сапожной мастерской, стал актером драмкружка коммуны, познакомился с девушкой из соседней деревни и всего через несколько месяцев после организации коммуны болшевцы праздновали первую свадьбу! А сватом был не кто иной как М.С.Погребинский. Жена и родившаяся вскоре дочка крепко привязали Алексея Чуваева к коммуне. Парню тяжело давалась учеба, но он делал успехи в производстве и через практику набирался опыта. С 1935 г. стал директором обувной фабрики спортивного комбината коммуны. В связи с 10-летием коммуны награжден часами и почетной грамотой ЦИК СССР. Арестован и осужден в декабре 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

Через много лет после печальных событий 1937–1938 гг. в городской газете «Калининградская правда» были опубликованы воспоминания дочери Алексея Чуваева «Мой отец – не враг народа». Приведу лишь несколько строк из этой статьи: *«С грустью перебираю поблекшие фотографии отца. И в это время, кажется, память удерживает об отце лишь одну сцену: его арест. Подъехала черная пролетка и его растерянного и какого-то поникшего, уводят из дома. Мне в этом декабре 1937-го – десять лет... Вспоминая об отце, я всегда задавалась вопросом: ну как он мог быть врагом народа, коль сам вышел из гущи народной, вырос от беспризорника до хорошего специалиста обувного дела, а потом и до руководителя фабрики, коммуниста?.. После ареста отца наступили мрачные для нашей семьи дни. Прежде всего мать уволили с работы под предлогом сокращения штатов, а потом и выселили нас из квартиры. Помню, подъехала грузовая машина к дому, пришли какие-то исполнители власти и стали бесцеремонно выносить из квартиры вещи, а потом сухо спросили: «Куда везти?» Матери в это время не было, и я сказала: «Везите к бабушке». А мать, оказывается, ездила в районные органы власти, чтобы заявить о несправедливом ее увольнении и предстоящем выселении с жилплощади. Но там ей жестко ответили: «Давайте-ка убирайтесь отсюда, а то и вас заберут!»... Но вот 22 ноября 1957 года мы получаем письмо из управления Министерства внутренних дел. В нем свидетельство о смерти гражданина Чуваева А.Д., умершего 7 апреля 1944 г. в возрасте 39 лет от воспаления легких. При этом ни место смерти, ни место захоронения в документе не указывались».* (Г.Шеставина. «Калининградская правда», 3 марта 1990 г.) На самом деле А.Д.Чуваев был расстрелян на Бутовском полигоне в январе 1938 г.

Примечание: Чуваев и Соколов-Овчинников стали прототипами Мустафы, главного героя первого советского звукового художественного фильма «Путевка в жизнь». Фильм частично снимался на территории Болшевской трудовой коммуны, вышел на экраны в 1931 г. и завоевал всемирную известность. Интересно, что судьба актера Йывана Кырли, сыгравшего Мустафу, трагична. «18 апреля 1937 года Йыван Кырла, живя в гостинице «Онар» г. Йошкар-Олы, пришел ужинать в гостиничный ресторан, где у него завязалась перепалка со студентом Николаем Гороховым, в ходе которой Йыван Кырла бутылкой ударил Горохова по голове, прокричав: «Граждане, нам, марийцам, запрещают говорить на своем родном языке. Объединимся против всех, кто не умеет говорить по-марийски. Гнать всех русских». Из-за этого происшествия 23 апреля 1937 года Йыван Кырла был арестован. 13 августа 1937 года осужден тройкой управления НКВД по Марийской АССР по ст. 58 п. 10, 11 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей» (К.Н. Сануков. «Из истории Марий-Эл: Трагедия 30-х годов» – Йошкар-Ола, 2000; 196 с.). По официальным данным, он умер в лагере на Урале в июле 1943 г.

Беспалов Василий Осипович родился в 1902 г. в Москве. Рано осиротел, жил у дяди-сапожника, в Беклемишевском приюте, бродяжничал. Перед революцией какое-то время работал в типографии, но, оставшись без работы, стал воровать, употреблять кокаин. В 1920 г. участвовал в краже с фабрики Каверина. Был задержан и осужден на 10 лет. В 1924 г. попал в Болшевскую коммуну в числе первых из Бутырского изолятора. Привыкание к новой жизни у Беспалова проходило тяжело. Сложнее всего было отказаться от пьянства, а с этим пороком в коммуне боролись жестко – вплоть до исключения! Но мудрость наставников, целеустремленность самого парня, его искренняя преданность коммуне сделали свое дело. В 1926 г. Беспалов уже стал руководителем по воспитательной части. В 1931 г. в числе лучших ударников был награжден серебряными часами, а в 1935 г. в связи с 10-летием коммуны – часами и почетной грамотой ЦИК СССР. Арестован и осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности. Реабилитирован в 1957 г.

Брат Василия Беспалова, Георгий Осипович (1905 г., Москва), руководил группой снабжения Болшевской трудкоммуны, получил среднее образование, был шефом трудкоммуны «Новые Горки» (ныне территория г. Королева). Арестован и осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности. Расстрелян на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1957 г.

Бобринский Алексей Александрович (1905 г., Москва – 1938 г., Бутовский полигон), бывший воррецидивист. В коммуне был широко известным человеком – его стихи и проза постоянно печатались в газетах «Болшевец», «Коммунар», журнале «За коммуну», альманахе бывших правонарушителей «Вчера и сегодня», выходившем под редакцией М.Горького. Алексей Бобринский входил в авторский коллектив книги «Болшевцы», был автором слов гимна коммуны на музыку А.Г.Двейрина. Заведовал магазином трудкоммуны.

Арестован в декабре 1937 г., осужден по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности. Реабилитирован в 1989 г.

Каминский Эмиль Петрович родился в 1904 г. на Украине, в Елисаветграде. Когда мать умерла, а отец ушел на войну, Эмиль оказался на улице. Бродяжничал, занимался мелкими кражами. Во время Гражданской войны записался добровольцем в Красную армию, но был отпущен как малолетний. Перебрался в Москву и попал в шайку фальшивомонетчиков. В 1925 г. арестован и приговорен к 10 годам. С 1926 г. – в Болшевской трудкоммуне. В первые месяцы был назначен председателем бельевой комиссии, затем работал закройщиком на обувной фабрике, стал одним из первых ударников в коммуне. Получил среднее образование в техникуме коммуны, поступил в Кожевенный институт. Был членом редколлегии журнала «За коммуну», писал статьи. Эмиль Каминский – один из центральных героев книги «Болшевцы», а также герой повести Виктора Витковича. В связи с 10-летием трудкоммуны награжден часами и почетной грамотой ЦИК СССР. На момент ареста был помощником руководителя коммуны по воспитательной части.

Одним из самых ярких моментов книги «Болшевцы» является приезд в коммуну Г.Г.Ягоды и Н.К.Крупской.

«– Ребята! – заорал Эмиль, срывая спецовку и откидывая ее в угол. – Сошьем туфли Крупской!..

...Ягода и Крупская вошли в обувную. За ними толпой двигались болшевцы.

– Надежда Константиновна! – начал он торжественно и сразу же смутился оттого, что сгоряча прервал слова говорившего директора мастерской.

Все обернулись к нему.

– В общем, постановили снять с вас мерку!.. – выговорил Эмиль залпом.

Спустя час вокруг Эмиля, кроившего кожу для туфель, тесно стояли ребята. Они критически глядели на его работу, давали советы и беззлобно шутили:

– Ну и сказанул!..

...Через несколько дней болшевцы получили от Крупской письмо.

«Дорогие ребята, – писала она, – большое спасибо за туфли. Они такие нарядные и красивые, что просто прелесть. Признаться сказать, это первый раз у меня будут такие туфли. Спасибо. б-го, к сожалению, приехать в коммуну не смогу. Шлю привет. Желаю, чтоб коммуна ваша продолжала крепнуть и развиваться. Всего вам хорошего».

Н.Крупская» («Болшевцы», с. 262, 264).

Эмиль Петрович женился на одной из первых девушек-коммунарок Марии Шигаревой, известной как Маруся-Щеголиха (в коммуне с 1927 г.), которая стала легендарной личностью в Болшеве. Она умерла в 1933 г. в возрасте 24 лет, успев из неуправляемой девицы с воровским прошлым превратиться в ударницу производства, освоить игру на нескольких музыкальных инструментах и добиться определенных успехов в живописи. У Каминского и Шигаревой в 1930 г. родилась дочь Зинаида.

Эмиль Петрович Каминский был арестован и осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Реабилитирован в 1957 г.

Фиолетов Павел Александрович родился в 1903 г., детство провел в Костромской губернии. В 1918 г. приехал в Петроград. Работал носильщиком на вокзале, начал воровать. Несколько раз оказывался в заключении. В 1927 г. попал в Тульскую коммуну, затем в 1929 г. – в Болшевскую трудкоммуну. Работал столяром на лыжной фабрике, участвовал в строительстве, руководил кружком политграмоты, был секретарем комсомольской ячейки. Будучи коммунаром Болшевской коммуны, поступил в высшее учебное заведение, много читал, сочинял стихи.

По инициативе Павла Фиолетова в Болшевской коммуне ста-

РЕГИОНЫ

ДЕНЬ ПАМЯТИ И БОРЬБЫ

30 октября в России отмечается День памяти жертв политических репрессий. Это не только день памяти обо всех безвинно погибших, но это и день борьбы за человеческое достоинство, свободу, день борьбы с произволом и насилием. Памятной датой послужили события 30 октября 1974 г., когда политзаключенные мордовских и пермских лагерей объявили голодовку в знак протеста против политических репрессий в СССР. С тех пор советские политзаключенные ежегодно отмечали 30 октября как День политзаключенного.

Официально День памяти жертв политических репрессий впервые был отмечен в 1991 г. Ежегодно в конце октября во многих городах России проходят памятные мероприятия. О некоторых из них читайте ниже.

Воронеж

В Воронеже День памяти жертв политических репрессий будет отмечен траурным митингом на мемориальном кладбище «Дубовка» – месте перезахоронения жертв коммунистического террора.

В этом году к перезахороненным ранее присоединят останки еще 208 человек, которые были извлечены в мае из двух расстрельных ям, и общее число эксгумированных составит 2889 человек. Торжественное захоронение также намечено на 30 октября. Затем пройдут возложение венков и цветов к братским могилам, православная панихида, краткие выступления представителей Воронежской областной думы, администрации города, историко-патриотического объединения «Дон» и Воронежского «Мемориала». Признание вины государства, долг граждан и органов власти в сохранении памяти о жертвах репрессий, и в частности создание Книги памяти репрессированных воронежцев, обустройство мемориального кладбища расстрелянных в Дубовке, архивная работа по установлению имен расстрелянных, покоящихся в Дубовке, – вот основные темы предстоящих выступлений.

По предложению Воронежского областного краеведческого музея в этот день в музее откроется экспозиция материалов, посвященная памяти жертв политических репрессий Воронежа. Выставка готовится совместными усилиями музея, Воронежского «Мемориала», Воронежского православного братства им. святителя Тихона Задонского и поискового клуба «Риф», членами которого 9 сентября 1989 г. были обнаружены расстрельные ямы в Дубовке.

Вячеслав БИТЮЦКИЙ

Екатеринбург

21 октября состоится международная научно-практическая конференция «Осмысление истории как общеевропейская задача», организованная Генконсульством ФРГ в Екатеринбурге, Екатеринбургским «Мемориалом» и деканат исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств УрФУ.

В Екатеринбурге памятные мероприятия проходят на территории Мемориала памяти жертв политических репрессий на 12-м километре Московского тракта, на месте оврагов с останками казненных людей. Здесь похоронены почти 20 тысяч человек, замученных в застенках НКВД, расстрелянных во время Большого террора.

Дважды в год при содействии администрации города и Ассоциации жертв политических репрессий сюда организованно приезжают сотни людей, в основном пожилых, чтобы поклониться памяти жертв беззакония.

Чтобы не допустить забвения страшной трагедии Большого террора, Екатеринбургское общество «Мемориал» каждую субботу в октябре организует на 12-й километр экскурсии для школьников, посвященные жертвам Большого террора 1937–1938 гг. и приуроченные к национальному Дню памяти жертв политических репрессий.

В видеоцентре «Мемориала» пройдет серия видеопросмотров фильмов о репрессиях.

30 октября пройдет акция «Возвращение имен» на городском бульваре против здания бывшего УНКВД на ул. Ленина. В школьных музеях проводится смотр-конкурс на лучший информационный уголок (стенд), посвященный памяти жертв политических репрессий.

Во многих библиотеках города организованы книжные выставки по теме репрессий.

Анна ПАСТУХОВА

Краснодар

В День памяти жертв репрессий в 12.00 начнется торжественное перезахоронение жертв политических репрессий, найденных в августе в центре Краснодара. «30 октября» подробно писала о страшных находках в № 115. Во время перезахоронения двенадцати гробов прозвучит реквием по жертвам политических репрессий.

ли проводиться соцсоревнования, появились первые ударники. На момент ареста был заместителем управляющего трудкоммуны.

В связи с 10-летием трудкоммуны награжден почетной грамотой ЦИК СССР и часами.

Арестован и осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян в январе 1938 г. на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1957 г.

Погодин Алексей Николаевич родился в 1897 г. Потомственный вор, в уголовном мире был известен как «медвежатник» (взломщик несгораемых сейфов). Романтик по натуре, он любил лицедействовать и философствовать, появляться в артистической среде, демонстрируя свою «образованность» и начитанность ссылками на известные имена. О Погодине можно прочитать в записках князя К.Н.Голицына. Кирилл Николаевич находился в заключении в Бутырской тюрьме в 1920-х годах и очень хорошо запомнил братьев Погодиных, с которыми ему довелось работать в «Культпросвете» Бутырки: *«Алексей Николаевич был человек во многих отношениях замечательный и своеобразный. Он и его брат Константин Николаевич были представителями уголовного мира, но разных «специальностей». Старший, Алексей, был «медвежатником», младший – аферистом. Оба брата были в какой-то степени культурны, и оба, несомненно, талантливы: они, пожалуй, были лучшими актерами нашего драмкружка. Алексей умно и выразительно исполнял драматические роли, а Костя был непревзойденным комиком. Последний так и запомнился остроумным рассказчиком анекдотов, а также умением имитировать любую речь и перевоплощаться в кого угодно. Будучи на воле, он, кроме основной специальности, несомненно имел отношение к театру или эстраде. О Косте сказать больше нечего. Гораздо интереснее был его брат. Одевался Алексей очень небрежно – по большей части в холщевую казенную рубаху навыпуск, но держался умело и непринужденно, а со старшими почтительно-вежливо. Помогало ему его актерское умение, ибо по натуре он был человек с безудержным темпераментом и в своей среде даже грубый. Мне с Погодиным пришлось иметь много дела по драмкружку, но и помимо драмкружка мы постоянно вели длинные разговоры и споры. Иногда я вечером приходил к нему в 10-ю камеру. На стол ставился большой медный чайник кипятку, и за увлекательной беседой мы выпивали с ним по 10–12 стаканов чаю».* (Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 2008, с. 347–348).

К 30 годам Погодин начал переосмысливать пережитое, попросился и был принят в трудкоммуну. Это событие заставило *«многих старых воров, гулявших на воле, крепко задуматься»* («Болшевцы», с. 458). Бывший «медвежатник» стал работать на обувной фабрике, заведовал библиотекой, клубом, участвовал в драмкружке. Авторитет Погодина в уголовном мире сыграл благоприятную роль в деле перевоспитания молодых воров (коммунары называли его дядей Лешей). Погодин быстро стал заместителем управляющего коммуной по воспитательной части. В 1935 г. с него была снята последняя судимость. По поручению М.С.Погребинского в 1937 г. Погодин занимался созданием новой трудовой коммуны в г. Горьком. 4 апреля 1937 г. за организацию похорон добровольно

ушедшего из жизни Погребинского был арестован, в тюремной камере покончил с собой. В книге «Болшевцы» описан под фамилией Мологин.

Константин Николаевич Погодин попал в Болшевскую коммуну в 1928 г. В 1935 г. был награжден часами с надписью «Стойкому организатору и строителю трудкоммуны от НКВД». Судьба его неизвестна.

Закоржевский Дмитрий Осипович, поляк, родился в Одессе в 1902 г. В коммуну попал «с воли», по рекомендации Алексея Погодина в 1931 г. В книге «Болшевцы» описан под фамилией Загржевский. *«Энергичный, толковый парень»* («Болшевцы», с. 507). Руководил воспитательной частью трудкоммуны, писал статьи в газетах «Болшевец», «Коммунар», журнале «За коммуну». В связи с 10-летием трудкоммуны был награжден часами. Арестован и осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Реабилитирован в 1989 г.

Михайлов Николай Михайлович родился в Москве в 1901 г. В коммуну пришел добровольно, «с воли». До этого имел собственную кустарную швейную мастерскую, *«которая не столько приносила ему дохода, сколько служила ширмой для прикрытия воровских делишек»*. («Болшевцы», с. 458). Работал на коньковом заводе, получил среднее образование, стал директором клуба трудкоммуны. В связи с 10-летием коммуны был награжден часами. Арестован и осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян в январе 1938 г. на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1989 г. Судьба младшего брата Николая Михайлова, коммунара Болшевской трудовой коммуны Константина, неизвестна.

Михайлов Николай Михайлович родился в Москве в 1906 г. в семье рабочих. Будучи коммунаром Болшевской трудкоммуны, поступил вуз, стал директором трикотажной фабрики. В связи с 10-летием трудкоммуны награжден почетной грамотой ЦИК СССР и часами. Арестован и осужден в январе 1938 г. по обвинению в контрреволюционной агитации. Расстрелян в феврале 1938 г. на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1969 г.

Борисов Василий Митрофанович родился в Москве в 1907 г. В коммуну попал из Бутырской тюрьмы. Учился в техникуме коммуны, руководил воспитательной частью обувной фабрики. В связи с 10-летием коммуны награжден часами с надписью «Стойкому строителю трудкоммуны от НКВД». Арестован и осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян в январе 1938 г. Реабилитирован в 1958 г.

Васильев Константин Иванович по кличке «Косой» родился в Петербурге в 1907 г. в семье рабочих. В коммуне оказался в 1924 г. в числе первых ребят из Бутырской тюрьмы. Работал столяром на деревообделочной фабрике спорткомбината. Арестован и осужден зимой 1938 г. по обвинению в контрреволюционной террористической агитации. Расстрелян на Бутовском полигоне в марте 1938 г. Реабилитирован в 1959 г.

Маслов Василий Николаевич родился в Екатеринбургской губернии в 1906 г. Юношей, после смерти матери, ушел из дома и бродяжничал, зарабатывая себе на жизнь рисованием пейзажей и монументальных портретов. В 1925–1926 гг. учился на II курсе Высшей государственной художественной школы в Баку. В 1926–1927 гг. был студентом II курса Горьковского (Нижегородского) художественного техникума. В конце концов попал в Москву, где в его судьбе принял участие нарком просвещения А.В.Луначарский, возглавлявший комиссию помощи молодым дарованиям. В Москве Маслов познакомился с А.М.Горьким, который, в свою очередь, также оказал ему помощь: он рассказал о художнике организатору Болшевской трудовой коммуны Погребинскому и таким образом Маслов попал в Болшево. В 1929 г., уже по направлению коммуны, художника зачислили на рабфак ВХУТЕИНа (Высшего художественно-технического института). Однако, недолго там проучившись, Василий Маслов, по совету Горького, вернулся в коммуну.

По предложению комиссии в 1933 г. в Болшевской трудовой коммуне была создана изостудия. С 18 февраля по 15 марта 1937 г. живопись и графика Василия Маслова были выставлены в Горьковском (сейчас Нижегородском) государственном художественном музее, и музей закупил работы в полном объеме. Сейчас это собрание является главной частью наследия художника, включающей 47 картин, написанных маслом (преимущественно пейзажей, большинство которых изображает окрестности Болшева), и 74 графических листа – в основном портреты.

Арестован в июле, осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян в январе 1938 г. на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1959 г. Весной 2010 г. дочь Василия Маслова, Наталья Васильевна Маслова передала в дар Королевскому историческому музею 92 рисунка Василия Маслова.

Панцырный Павел Львович родился в Звенигороде в 1905 г. В коммуну пришел вслед за старшим братом в 1926 г. Был помощником заведующего воспитательной частью коммунального отдела, комендантом трудкоммуны, председателем профбюро обувной фабрики. Арестован и осужден в декабре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян в январе 1938 г. на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1956 г.

Павел Панцырный – главный герой книги М.С.Погребинского «Пашка Голодный», написанной в 1926 г. Судьба брата Павла Панцырного неизвестна.

Послесловие

Весной 2011 г., возвращаясь из Москвы в родной Королев, окрыленная покупкой заветной книги, я села в электричку на Ярославском вокзале, заняла место у окна и с трепетом в душе и дрожью в руках достала свое приобретение... Мне не терпелось посмотреть, полистать, потрогать...

Женщина, сидевшая рядом, заметила название на обложке:

– Болшевцы? – удивленно спросила она.

– Да, – я заинтересованно посмотрела на соседку. «Может, моя попутчица что-то знает о книге или ее героях?» – сразу пришло мне в голову.

Но нет. Женщину удивило название и, видимо, большой объем книги.

– А я из Болшева, – сказала она.

– Я тоже, – улыбнулась я в ответ.

– Неужели книга о нас? – както растерянно спросила моя собеседница.

Вопрос прозвучал странно, но, видимо, это первое, что пришло в голову моей спутнице.

– Да... – задумалась я. – Наверное, о нас... Хотя... скорее – для нас.

Примечание: Почти все перечисленные воспитанники Болшевской трудовой коммуны жили в одном доме. Сейчас его адрес: г. Королев, ул. Дзержинского, д. 13/2.

Еще отмечу, что это далеко не весь список расстрелянных коммунаров, а только тех, которые упоминаются в книге «Болшевцы». На сегодняшний момент известно около 90 человек, связанных с Болшевской трудкоммуной, расстрелянных в 1937–1939 годах, включая организаторов и воспитателей. Судьба нескольких человек до конца неизвестна.

Светлана ЮДИНА,
Королёвский исторический музей

На снимке: Главный усадебный дом, принявший первых коммунаров осенью 1924 г. (сейчас – здание Королёвского исторического музея)
Фото из архива Королевского исторического музея

Цитаты даны по книге «Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г.Ягоды трудкоммуны НКВД». М.: ОГИЗ, 1936.

РЕГИОНЫ

Перезахоронение состоится в северо-восточной части Всесвятского мемориального кладбища города. Это специально выбранное так называемое «расстрельное место», где ранее были обнаружены и перезахоронены расстрелянные советские граждане времен Большого террора. Комиссию по перезахоронению возглавляет заместитель главы администрации города Краснодара С.Л.Васин.

2–3 ноября 2013 г. Краснодарское краевое отделение Российского общества «Мемориал» и Кубанский государственный университет проводят в г. Краснодаре VIII Международную научную конференцию «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР». В этом году она будет посвящена теме «1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства».

Сергей КРОПАЧЕВ

В **Москве** ежегодный траурный митинг пройдет у Соловецкого камня на Лубянской площади перед зданием ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ. В течение последних 7 лет накануне Дня памяти здесь проходит акция «Возвращение имен». «30 октября» подробно писала об этой акции в № 104.

Пермь

У памятника жертвам политических репрессий на Егошихинском кладбище состоится митинг общественности города и края. В нем примут участие бывшие репрессированные и члены Общества «Мемориал», представители краевой и городской администрации, сотрудники и активисты общественных организаций, журналисты.

Вечером 30 октября 2013 г. в Пермском академическом театре оперы и балета имени Чайковского состоится оперный спектакль «Один день из жизни Ивана Денисовича».

Опера «Один день из жизни Ивана Денисовича» написана в 2008 г. по одноименной повести Александра Исаевича Солженицына. Композитор Александр Чайковский написал эту оперу специально по заказу Пермского театра оперы и балета в год 90-летия Солженицына. Премьера, состоявшаяся весной 2009 г. в рамках международного фестиваля «Дягилевские сезоны», вызвала широкий резонанс не только среди музыкантов, но и в кругах литераторов и правозащитников. Спектакль получил сразу 7 номинаций национальной театральной премии «Золотая маска».

Роберт ЛАТЫПОВ

Печора

Общегородская поминальная церемония с участием репрессированных жителей города, их родственников, общественности, городской администрации, учащихся школ города традиционно проводится каждый год у памятника жертвам Печорлага.

Татьяна АФАНАСЬЕВА

Рязань

Рязанский «Мемориал» совместно с рязанской Ассоциацией жертв политических репрессий и членами православного Преображенского братства планирует провести гражданскую панихиду у Памятного знака репрессированным жителям региона и организовать акцию «Возвращенные имена».

Андрей БЛИНУШОВ

В **Санкт-Петербурге** ежегодно местом проведения мероприятий становится Левашовское мемориальное кладбище – место массовых захоронений погибших в годы репрессий – и Соловецкий камень на Троицкой площади.

В **Самаре** у Знака памяти в парке имени Гагарина, где при производстве земляных работ было обнаружено одно из мест массовых захоронений людей, расстрелянных в период репрессий, ежегодно в эти дни проходят митинги памяти.

Томск

В этот день пройдут уже традиционные мероприятия: вахты памяти с зажжением поминальных свечей, панихидами (где это возможно) возле памятников и поминальных крестов жертвам политических репрессий. Таких мест в Томской области на сегодня около 30. В самом Томске вахта памяти пройдет в сквере рядом с мемориальным музеем «Следственная тюрьма НКВД», после чего в музее планируется открытие выставки, посвященной 25-летию Томского «Мемориала» (учрежден 10 декабря 1988 г.). Вечером этого же дня в малом концертном зале Томского государственного университета силами преподавателей и студентов института искусств ТГУ пройдет уже традиционный концерт памяти жертв политических репрессий.

Василий ХАНЕВИЧ

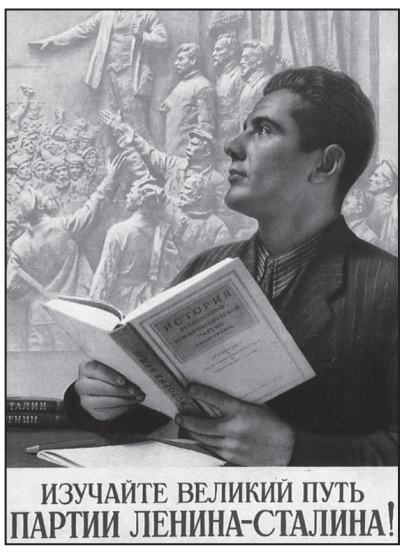
30 октября жители **Тюмени** собираются во дворе бывшего здания НКВД Тюмени на улице Семакова. На месте массовых расстрелов стоит мемориальный камень с надписью: «Здесь в 1937–1938 годах проводились массовые расстрелы безвинных... Никогда больше».

ОКТЯБРЬСКИЕ И НОЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1923. 13 октября
Были организованы Соловецкие лагеря принудительных работ особого назначения, находившиеся в подчинении ОГПУ (для содержания лиц, осужденных за контрреволюционные преступления). Эти лагеря просуществовали под разными названиями (Соловецкий лагерь особого назначения – СЛОН, Соловецкое отделение Белбалтлага, Соловецкая тюрьма) 16 лет и стали, по определению А.Солженицына, первой «раковой клеткой» ГУЛАГа. По данным НИПЦ «Мемориала», в конце 1923 г. на Соловках было около 2500 заключенных, в конце 1924 г. – около 5000, в конце 1925 г. – свыше 7700, в конце 1926 г. – 10 700, в конце 1927 г. – 14 800, в 1928 г. – около 22 000, в 1929 г. – около 65 000, в 1930 г. – 71 800 человек.

1928. 21 октября
Находящийся в ссылке в Алма-Ате один из организаторов октябрьского переворота Л.Троцкий обратился к коммунистам всех стран с призывом бороться против «сталинской бюрократии».

1938. 1 октября
Отдельным изданием вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)», отредактированный лично И.В.Сталиным. Он написал черновик главы по диалектическому материализму, другие были им исправлены. В течение 15 лет «Краткий курс» был главной книгой идеологической дрессуры в СССР, необходимым и достаточным источником сведений по философии и новейшей истории и подлежал обязательному изучению всем населением страны, начиная со школьной скамьи.



Октябрь
Последний месяц Большого террора. Среди тысяч расстрелянных – бывшие руководители партии эсэров (В.А.Алгасов, А.А.Биценко – Партия левых социалистов-революционеров и М.Я.Гендельман – Партия социалистов-революционеров). Все трое были казнены в Москве. А.А.Гизетти был казнен в Куйбышеве.

1943. 12 октября
Вышел указ Президиума Верховного совета СССР об упразднении Карачаевской автономной области, лишивший 80 тысяч высланных карачаевцев государственности. Карачаевский народ был обвинен руководством СССР в предательстве во время Великой Отечественной войны, в частности во вступлении в организованные немцами воинские отряды и в организации антисоветского повстанческого движения. Отменен в 1957 г.

1948. 26 октября
Была выпущена директива МГБ и Прокуратуры СССР о повторном аресте лиц, отбывавших наказание за политические преступления и освобожденных после окончания Великой Отечественной войны. На основании этого указа около 100 тысяч человек были вновь отправлены в лагеря и в «вечную» ссылку.

1958. 21 октября
Ленинградский городской суд осудил группу выпускников Ленинградского университета – философов Михаила Молоствова (будущий народный депутат РСФСР и член Государственной думы РФ), Леонтия Гаранина, Евгения Козлова и филолога Николая Солохина. Обвинение строилось на данных перлюстрированной дружеской переписки, в которой обсуждались политические и философские вопросы. Подсудимым инкриминировали намерение создать антисоветскую организацию, программой которой «должно было стать» эссе Молоствова «Status Quo», где он подверг критическому анализу советскую государственную систему. В результате суда Молоствову дали 7 лет, Солохину – 6, Гаранину – 5, Козлову – 4 года лишения свободы.

23–31 октября
Шведская академия присудила Борису Пастернаку Нобелевскую премию по литературе. После того как поэт, несмотря на давление властей, не захотел отказаться от нее, в СССР по решению партийного руководства началась кампания его «всенародной» травли, сопровождавшаяся угрозами лишить его гражданства и выслать из страны и закончившаяся исключением Пастернака из Союза писателей СССР.

1968. 11 октября
Пятеро участников демонстрации протеста против ввода войск в Чехословакию 25 августа 1968 г. на Красной площади были приговорены Московским городским судом по ст. 1901-1 и 190-3 УК РСФСР (все подсудимые отказались признать себя виновными). Павел Литвинов, Лариса Богораз, Константин Бабицкий приговорены к ссылке; Вадим Делоне и Владимир Дремлюга – различные сроки заключения в лагере.

1973. 20 октября
В Москве покончил жизнь самоубийством поэт, правозащитник Илья Габай. В «Хронике текущих событий» был опубликован некролог, где говорилось: «С представлением о Габае не вяжутся такие объяснения, как тюрьма, допросы, обыски, вынужденная бездеятельность талантливого человека. По убеждению всех, знавших его, Илья Габай, с его высокой чувствительностью к чужой боли и беспощадным сознанием собственной ответственности, был олицетворением идеи морального присутствия. И даже его последний, отчаянный поступок несёт в себе, вероятно, сообщение, которое его друзья обязаны понять».

1978. 6 октября
Тбилисский городской суд приговорил грузинскую общественную и религиозную деятельницу Валентину Пайлодзе, обвинявшуюся в «клевете на советский строй» и «посягательстве на личность и права граждан под видом религиозных обрядов», к полутора годам лагерей общего режима.

1983. 26 октября
Калужский областной суд приговорил к 2 годам тюрьмы, 5 годам лагеря и 3 годам ссылки за «антисоветскую агитацию и пропаганду» Сергея Ивановича Григорьянца (литературовед, журналист, правозащитник). Ему инкриминировали участие в издании бюллетеня «В», содержавшего актуальные материалы о нарушении прав человека в СССР. Удалось наладить регулярный выпуск этого бюллетеня (раз в 10 дней). Григорьянца обвиняли также в авторстве и передаче за рубеж статьи о смерти Варлама Шаламова, создании литературно-лингвистической картотеки, собранной «с умыслом написания антисоветского романа», распространении неподцензурной литературы и критических высказываний.

1988. 30 октября
Прошел митинг в Куропатах – первая массовая гражданская акция, положившая начало активным общественным процессам в Белоруссии. Около 40 тысяч человек направились в урочище Куропаты под Минском (место захоронения жертв сталинского террора), где прошел митинг. Он был разогнан милицией и внутренними войсками с применением дубинок, слезоточивого газа и водометной техники.

1993. 3–4 октября
Кульминация противостояния между парламентом и президентом России – «малая гражданская война» в Москве: прорыв блокады Дома Советов, введение в Москве чрезвычайного положения, неудачный штурм телецентра Останкино, танковый обстрел Дома Советов и арест его защитников. Началом конфликта послужил Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», подписанный Борисом Ельциным в сентябре. В результате столкновений погибло не менее 157 человек и 384 были ранены (из них 3 и 4 октября — 124 человека погибли, 348 ранены).

1923. 2 ноября
Постановление Президиума ЦИК СССР и изданное на его основе «Положение» учреждали Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР, которому были переданы функции ВЧК-ГПУ. В течение 11 лет ОГПУ было центральным органом политического сыска и репрессий. В его задачи входила борьба с контрреволюцией, шпионажем, обеспечение государственной безопасности и борьба с чуждыми советской власти элементами.

1938. 17 ноября
Вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О производстве арестов и прокурорском надзоре», положившее конец так называемым массовым операциям НКВД, в результате которых были за полтора года арестованы около 1 500 000 человек. Через 10 дней с поста наркома внутренних дел был снят главный сталинский палач Николай Ежов. Конец «ежовщины» и Большого террора.

1948. 20 ноября
Вышло секретное постановление политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации Еврейского антифашистского комитета. ЕАК был обвинен в шпионаже в пользу США и Израиля. Руководители комитета в ближайшие месяцы были арестованы.

26 ноября
Вышел Указ Президиума Верховного совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны». Согласно этому Указу, спецпереселенцы из числа депортированных народов (балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, чеченцев и др.) за попытку побега из места ссылки карались 20 годами лагерей.

1953. 17 ноября
В Москве был открыт после захоронения Сталина Мавзолей Ленина–Сталина, просуществовавший 8 лет. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 г. по решению XXII съезда партии тело Сталина было вынесено из мавзолея и захоронено у Кремлевской стены.

1958. 26 ноября
Было обнародовано обращение правительства СССР к правительствам США, Великобритании и Франции с предложением пересмотреть статус Западного Берлина и вывести оттуда войска держав-победительниц (США, Англии и Франции). Это предложение грозило аннексией Западного Берлина советскими войсками и было отклонено. Советское правительство объявило о блокаде Западного Берлина, которая продлилась несколько месяцев.

1963. 7 ноября
Произошли стихийные массовые беспорядки во время праздничной демонстрации в городе Сумгаите (Азербайджанская ССР), носившие просталинский и антихрущевский характер. Некоторые демонстранты пронесли с собой портреты Сталина, которые достали и подняли над головами; рабочие ворвались на трибуну, где находились местные партийные руководители, и сорвали портрет Хрущева с фасада дворца культуры. Волнения были подавлены с привлечением милиции из Баку.

1968. 11 ноября
В Москве скончался Алексей Евграфович Костерин – писатель, журналист, узник сталинских лагерей, автор Самиздата, борец за права репрессированных народов. Похороны Костерина вылились в правозащитный митинг, на котором с яркой речью выступил бывший генерал-майор Петр Григоренко.

1973. 23 ноября
Математик, доцент МВТУ имени Баумана Александр Болонкин и преподаватель математики Валерий Балакирев были осуждены за массовое тиражирование Самиздата и создание самиздатской библиотеки и архива. Болонкин был приговорен за «антисоветскую агитацию и пропаганду» по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР к 4 годам колонии строгого режима и 2 годам ссылки (одновременно решением Высшей аттестационной комиссии он был лишен ученых степеней). Балакирев, признавший себя виновным, получил условный срок.

1978. 24 ноября
Верховный суд Грузинской ССР приговорил за «антисоветскую агитацию и пропаганду» к 5 годам лишения свободы в колонии строгого режима с последующей ссылкой на 4 года сотрудника киностудии «Грузия-фильм» Автандила Имнадзе, основателя молодежной подпольной группы Союз борьбы за освобождение Грузии. Группа распространяла листовки, участвовала в организации массовой демонстрации 14 апреля 1978 г. в Тбилиси.

1983. 24 ноября
Было опубликовано заявление генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова о выходе СССР из переговорного процесса в Женеве по ограничению стратегических вооружений в Европе. Это был один из финальных витков напряженности в холодной войне, последнее политическое выступление Андропова.

1988. 16 ноября
Верховный совет Эстонской ССР принял декларацию о суверенитете Эстонии, в которой содержалось положение о том, что законы СССР вступают в действие на территории республики только после их ратификации парламентом Эстонии. Это было началом «парада суверенитетов». Президиум Верховного совета СССР объявил это положение недействительным. К середине 1990 г. почти все республики СССР, включая РСФСР, приняли декларации о суверенитете.

Ноябрь
Резкое обострение армяно-азербайджанского конфликта. В Азербайджане и Армении произошли погромы, сопровождавшиеся насилием и убийствами мирных граждан. Появились сотни тысяч беженцев с обеих сторон. В ряде городов Армении и Азербайджана было введено особое положение. Проводилась транспортная блокада одной советской социалистической республики (Армянская ССР) со стороны другой (Азербайджанская ССР).

1998. 20 ноября
В Санкт-Петербурге была убита депутат Государственной думы Галина Старовойтова, которая стояла у истоков демократического движения, способствовала продвижению демократических реформ. Она была специалистом в области межнациональных отношений. Галина Старовойтова принимала активное участие в разработке таких документов, как закон «О реабилитации жертв политических репрессий», «О правах национально-культурных объединений», «О свободе совести и о религиозных объединениях». Заказчики убийства до сих пор не названы. 6 марта 2012 г. УФСБ по Петербургу приостановило расследование дела об убийстве Старовойтовой.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством Мемо.Ру

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие:
Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77–1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Октябрь – Ноябрь 2013. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ» 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. **Распространяется бесплатно**

Абакан, Саяногорск; Чеченская Респ.: Аргун, Грозный; Чита; Чувашская Респ.: Чебоксары, Новочебоксарск; Чукотский АО: Анадырь; Респ. Саха: Якутск; Ярославль. Газета поступает во все областные библиотеки Российской Федерации